

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

р 2
Б 82

Н. Борисов

ДЕЛО ПЕРЕДАЕТСЯ В СУД

79

ЛЕНИЗДАТ • 1967

Эта книга рассказывает о благородном труде работников милиции, о тех, кто ведет войну, жестокую и беспощадную, полную опасности и риска, со всем, что мешает советскому народу спокойно жить и трудиться.

Через все рассказы красной нитью проходит одна мысль: любое, даже самое запутанное, преступление рано или поздно будет раскрыто и дело будет передано в суд.

Индекс
7—3—2

ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ

Передо мной, неестественно согнувшись и безвольно опустив голову, на самом краешке стула сидит мой первый в жизни подсудимый. Фамилия его — Панин, имя, отчество — Сергей Алексеевич, возраст — 26 лет, семейное положение — женат, имеет одного ребенка, профессия — геолог-изыскатель, последние три месяца не работает, — уволен за хроническое, беспробудное пьянство. Судя по лежащему передо мной делу Панина, я для него

тоже первый в его жизни оперативный работник уголовного розыска, с которым ему приходится иметь дело.

Панин интеллигентен; он говорит правильно, легко оперирует самыми сложными оборотами речи. Его можно было бы назвать красивым, если бы не набухшие, дряблые веки над мутными, красными глазами — явный признак ожесточенного алкоголизма. Сейчас он трезв, но его затуманенный водкой мозг с трудом восстанавливает последовательность событий, происшедших совсем недавно.

Я много знаю о Панине, во всяком случае — достаточно для того, чтобы прокурор потребовал самого сурового наказания.

Но, задавая Панину стандартные, много лет назад придуманные вопросы, я все же пытаюсь проникнуть в его душу, понять, как мог этот человек, мой современник, почти сверстник, дойти до такой жизни. Ведь мой подследственный не залез кому-нибудь в карман, не повздорил по пьянке с соседом в трамвае. Панин обвиняется в зверском убийстве человека.

Впрочем, это надо еще доказать.

Я был дежурным оперативным работником по районному отделу милиции. Мне не везло: за два года работы я не принял участия ни в одном мало-мальски стоящем деле.

— Помните, вы, молодые, — говорил нам, как минимум раз в неделю, заместитель начальника отдела майор Петр Иванович Кунгурцев, — милиционер не должен мечтать о преступлениях, так же как пожарник не должен мечтать о пожарах, а врач — о больных.

В этом вопросе Кунгурцев был, конечно, прав. И все же, хоть и не часто, серьезные преступления — кражи, убийства, насилия — случались у нас в районе. Но мне их расследовать почему-то не поручали.

Я мечтал о сложных, запутанных делах, готовился к схваткам с хитрыми, коварными преступниками, а вместо этого возвращал бестолковым матерям потерянные детские коляски, искал украденное с чердаков белье и проверял заявления о ссорах в коммунальных квартирах.

Давно, много лет назад, будучи еще совсем мальчишкой, я оказался случайным свидетелем отчаянной схватки между тремя уголовниками и милиционером, вступившимся за молодую женщину. Только что закончилась война. Пустынная, будто вымершая улица равнодушно смотрела на драку слепыми глазницами полуразрушенных, обгоревших домов. А я, маленький десятилетний мальчишка, дрожа всем телом, лежал невидимый в густой траве газона, потеряв в один миг способность бежать или звать на помощь.

Каким-то непостижимым образом милиционер одолел всех троих, но пять полученных им ножевых ран не прошли для него бесследно; впоследствии я узнал, что он лишился руки и вынужден был уйти из милиции. Как-то сразу этот человек затмил в моем детском воображении всех книжных героев, которым я до этого поклонялся. Именно тогда я и дал себе слово, что, когда вырасту, — буду работать в милиции. Уже гораздо позже, заканчивая школу, я мечтал о том, что пройдет совсем немного лет и, придя как-нибудь на очередной вечер встречи школьных друзей, я небрежно скажу ребятам:

— Простите за опоздание, только что задержал опаснейшего преступника...

Теперь я искал предлога, чтобы уклониться от этих вечеров.

Среди окончивших со мной школу был врач, самостоятельно оперировавший на сердце, математик, открывший хоть и не сделавшую переворота в науке, но

все же неизвестную до него зависимость, даже археолог, участвовавший в раскопках древнего захоронения где-то в Средней Азии. Я искренне радовался за них, но лично мне не с чем было прийти в школу; не мог же я в самом деле крикнуть им еще с порога:

— Здорово, ребята! Простите за опоздание. Ужасно устал. Целых два часа разбирался в одной квартирной склоке!

Правда, уставать я действительно уставал. И в этот день дежурства, с которого началось мое первое настоящее дело, телефон в дежурной комнате не умолкал ни на минуту.

Раза два требовали забрать пьяного, несколько раз, ошибаясь номером, настойчиво расспрашивали о здоровье роженицы, у бухгалтера райпищеторга угнали машину, потом звонили из киностудии — просили помочь в съемке, потом опять насчет пьяных...

Примерно за час до конца дежурства пришла еще молодая, но сильно накрашенная женщина, отрекомендовавшаяся домашней хозяйкой. Прежде чем я успел раскрыть рот, я уже знал о ее соседях то, чего, пожалуй, не знали они сами: кто когда приходит домой, кто с кем живет и кому доставляет особенное удовольствие кипятить молоко именно на ее конфорке.

Мое дежурство уже было на исходе, когда снова зазвонил минут двадцать молчавший перед этим телефон. Я приготовился записать очередное сообщение о пьяной выходке распоясавшегося хулигана и довольно бодрым голосом сказал в трубку:

— Лейтенант милиции Аксенов у телефона.

— Вот что, лейтенант милиции, — сказал низкий мужской голос на другом конце провода. — В доме номер восемь по улице Петрова, в пункте сбора утиля, убили утильщика.

Трубку бросили на рычаг. Раздались короткие гудки. Так вот оно, мое первое серьезное дело.

Но странно, мною вдруг овладело чувство неуверенности, страха, что я упущу что-нибудь важное, что-нибудь сделаю не так. В первый момент я предпочел бы, чтобы этот звонок оказался шуткой, чьим-нибудь неудачным и неостроумным розыгрышем. Такие вещи порой случались.

Но нужно было действовать. Не вешая трубки, я поручил одному из сотрудников выяснить, из какого телефона звонили только что в милицию, затем, как положено, доложил о звонке в оперативную часть Управления, а через пятнадцать минут вместе с заместителем начальника отдела Петром Ивановичем Кунгурцевым и двумя понятыми — дворниками дома № 8 по улице Петрова я входил в расположенный в глубине двора пункт сбора утиля, или, как его стали в последнее время называть, пункт сбора вторичного сырья. Почти одновременно во двор въехала вызванная нами машина «скорой помощи». Мой неизвестный абонент, к сожалению, не шутил. Но он ошибся: утильщик был еще жив. Впрочем, ошибиться было нетрудно. Пострадавший был без сознания, и только профессионально чуткое ухо врача смогло уловить в нем слабые признаки жизни.

Оба дворника немедленно признали в пострадавшем семидесятилетнего заведующего пунктом сбора утиля Семена Сергеевича Веселова. Осторожно, стараясь не касаться старика, я вынул из правого кармана его пиджака паспорт и затрепанную записную книжку, испещренную однообразными служебными записями: «21 января — распиленная никелированная кровать — 20 кг, 22 марта — пятнадцать пачек книг — 30 кг» и т. д.

Денег в кармане не оказалось, даже мелочи. И это наталкивало на мысль, что покушение на убийство было

совершенно с целью ограбления. Часов тоже не было, хотя на левой руке оставался явственный след от ремешка.

Веселов лежал на боку, придавив телом к полу правую руку. На его голове зияли две кровоточащие раны, нанесенные, по всей видимости, тяжелым и тупым предметом. Чем именно, нам долго гадать не пришлось. Минут через пятнадцать после осмотра помещения мы нашли в куче сваленного у двери тряпья молоток, очевидно брошенный убежавшим убийцей. Следов борьбы не было видно. Судя по характеру и расположению ран на голове, они были нанесены сзади, скорее всего неожиданно.

Когда Веселова увезли и подошла еще одна машина с сотрудниками Управления, мы приступили к более детальному осмотру помещения.

Это был полуподвал, сырой, почти без естественного света, как будто специально построенный для хранения утиля. Под самым потолком в стене, как раз напротив входной двери, было прорезано небольшое зарешеченное окно, выходившее на Кирпичный переулок. Размеры окна и толщина прутьев решетки исключали возможность проникновения в комнату этим путем. Подставив стул, я все же сделал попытку распахнуть прутья, но они прочно сидели в пазах. Зато увидеть через окошко с переулка, что делается в освещенном подвале, можно было довольно легко даже находясь на некотором расстоянии от него.

В углах, на полу, в двух больших корзинах и в мешках было навешано, навалено, набросано огромное количество всякого тряпья, бумаги, поломанных детских игрушек, пустых консервных банок, помятых чайников. Однако беспорядок был только кажущимся. Все было рассортировано в соответствии с какой-то трудно уловимой для постороннего глаза системой.

— Семен Сергеевич был очень аккуратным человеком, — заявила дворничиха.

Тем удивительнее было видеть полураскрытый ящик стола, представлявший собой самую настоящую свалку. Нитки с иглками, смятые накладные, ножницы, несколько бутербродов, два носовых платка, пузырек с жидкостью, коробка со скрепками, карандаши, моток бечевки — всё в ящике было перемешано, перевернуто.

— Уж не искали ли здесь что-нибудь в спешке? — вслух подумал я. — Сам старик или его убийца?

Этот вывод напрашивался сам собой, и было удивительно, что никто, даже Кунгурцев, не подумал об этом.

— Может быть, вот это? — сразу же отозвался эксперт-криминалист, подавая мне сложенную вчетверо записку, выпавшую из деревянного стакана для карандашей, на котором эксперт искал отпечатки пальцев. Текст записки был предельно кратким: «От нас тебе не уйти. Не надейся на своих новых друзей, они тебе не помогут!»

Значит, не грабеж, а месть была причиной нападения на утильщика? Но за что же мстить семидесятилетнему старику, занимавшему более чем скромную должность?

«Быть может, у него были враги?» — подумал я и спросил дворничиху Елизавету Николаевну Соколову, которая дежурила сегодня и последняя из присутствующих разговаривала со стариком:

— Каков он был как человек? Наверное, как и большинство стариков, — несносный?

— Не сказала бы, — ответила Елизавета Николаевна. — Он такой безобидный, добродушный, кошки никогда не обидит, не то что человека. И такой подвижный, быстрый. Его ларь по сбору утиля в районе первое место занимал. Из-за денег его скорей всего стукнули. Они всегда у него водились. Я сама частенько к нему за займами

бегала... Хотя больше тридцати — сорока рублей он вряд ли с собой носил, — добавила она, как будто за большую сумму уже можно убить человека.

— Ну, а сегодня? — спросил Кунгурцев. — Вы ничего не заметили странного, необычного в его поведении?

— Вообще-то он обычно до двух работал, — подумав, сказала Соколова. — А сегодня вдруг часа в четыре вернулся, подошел ко мне и спросил: «Лиза, меня никто не искал?» А часов в шесть я видела, как со двора выбежал очень высокий мужчина в военной гимнастерке. Лица не разглядела, но в нашем дворе такой не проживает. А уж от него ли шел — не знаю, много тут всяких людей ходит.

Теперь нам предстояло еще осмотреть телефон-автомат, из которого мне сообщили об убийстве. Он помещался на углу улицы Петрова и Большого Ломаного переулка. В кабине Кунгурцев обнаружил под аппаратом пятно крови.

По дороге обратно я изложил Кунгурцеву свою гипотезу преступления.

Конечно, я был новичком в милиции и не забывал об этом. Но я давно готовил себя к оперативной работе, прочел огромное количество юридической литературы, легко удерживал в памяти известные случаи преступлений. Еще в университете ребята часто пытались разыграть меня. «Расскажи, пожалуйста, Витя, что ты помнишь о похищении Бугаевым бриллиантов в Харькове», — с невинным видом спрашивал кто-нибудь из них, в то время как остальные подходили ко мне, как будто случайно заинтересовавшись разговором. Я делал сконфуженное лицо, подыгрывая им, морщил лоб. «Бугаев... Бугаев... Ах да, совсем забыл, он же украл золотую статуетку из Новосибирского музея. А харьковские бриллианты, про которые ты говоришь, были подменены в

1871 году знаменитым ювелиром Елистратовым». Ребята смеялись и обещали обязательно поймать меня на чем-нибудь в следующий раз.

Каждое дело, если как следует порыться в памяти, по-моему, обязательно должно быть похожим на какое-то другое, уже когда-то происшедшее. И мне ужасно не нравилось, когда самый простой случай усложняли до такой степени, что разобраться в нем уж не было никакой возможности. Вот и сейчас. Мне, например, уже все было ясно, но я, немного зная Кунгурцева, несколько не сомневался, что он попытается все запутать. Все же я рискнул первым высказать свое мнение.

— Старик кому-то встал поперек дороги, — начал я. — Может быть, его шантажировали, а быть может, наоборот, он узнал про кого-то что-нибудь компрометирующее. Сегодня, в день убийства, они условились о встрече, но, встретившись, не смогли договориться, скажем, не сошлись в цене. Тогда неизвестный убивает, то есть думает, что убивает, старика, а потом вспоминает, что записка, в которой он угрожал утильщику, может служить очень серьезной уликой против него. Убийца ищет записку, не находит ее, а потом, испугавшись чего-то, в спешке убегает, бросив по дороге молоток...

— ...и идет к ближайшему автомату и звонит тебе, чтобы мы приехали и забрали его, — перебил меня Петр Иванович сердитым тоном.

— Но ведь мы хотя и приехали, но не забрали его по той простой причине, что он не стал нас дожидаться. А кроме того, откуда вы знаете, товарищ майор, что мне звонил убийца, а не кто-то, случайно зашедший в пункт сбора утиля? Конечно, он не сообщил мне свою фамилию, чтобы его самого не заподозрили в преступлении.

— Вот именно этого я не знаю. И я не знаю, пока

мне не скажет эксперт-графолог, кто писал эту записку. Может быть, ее написал сам старик. И еще я не знаю, по какому поводу написана эта записка и что она означает. И откуда у тебя такая уверенность, что это убийство совершено не с целью ограбления. Ведь в ящике с таким остервенением могли искать именно деньги. А молоток, которым, ты говоришь, было совершено убийство, возможно, не имеет к нему никакого отношения. Ведь ты еще не знаешь, соответствует ли размер ран на голове старика диаметру металлической части молотка. И наконец, если тебе звонил случайный прохожий, то откуда в кабине автомата кровь и чья она, эта кровь? А если звонил убийца, то зачем? Пока мы не получим ответы хотя бы на половину этих вопросов, мы можем только гадать на кофейной гуще.

Он здóрово отчитал меня тогда за чересчур поспешные выводы. Здóрово, но зря, потому что из допроса жены утильщика выяснилось, что моя версия, кажется, близка к истине. Но прежде чем я вызвал ее, мы получили из больницы сообщение о том, что заведующий утильларем Семен Сергеевич Веселов не приходя в сознание скончался.

Веселову допрашивала следователь прокуратуры Надежда Петровна Крымова. Несмотря на свою молодость, Крымова обладала большим опытом, в сочетании с незаурядным природным умом это всегда обеспечивало ей успех в работе. В особо сложных случаях Кунгурцев добивался, чтобы прокуратура присылала к нам именно Крымову, и она действительно помогла нам распутать немало дел, казавшихся неразрешимыми.

Наверно, это было очень жестоко: подвергать допросу Марию Даниловну Веселову в такой страшный момент ее жизни. Но у нас не было другого выхода. Следствие не располагало достаточным количеством данных, и

дальнейшие поиски преступника казались нам совершенно бесперспективными без показаний жены потерпевшего.

И мы не обманулись в своих ожиданиях. Мария Даниловна дала нам очень ценные сведения. Маленькая, совершенно седая убитая горем женщина изо всех сил старалась помочь следствию. В ее покрасневших от слез глазах я читал укор себе и всему нашему отделу за то, что мы до сих пор не поймали убийцу ее мужа.

Для Марии Даниловны Семен Сергеевич был на свете всем — и мужем, и другом, и врачом, и нянькой. Она поздно вышла замуж, очень часто болела. Врачи запретили ей иметь детей. У Семена Сергеевича был сын от первого брака, он жил на Дальнем Востоке и изредка навещал отца. У нее же, кроме мужа, не было никого. С годами болезнь ее усилилась. Муж ухаживал за ней, оберегал от всяких волнений, различных мелких и крупных неприятностей. За свою жизнь Семен Сергеевич сменил много профессий и мест работы, но нигде не оставлял по себе плохую память, нигде не покушался на чужое добро. Вдвоем они жили не роскошно, конечно, но в главном себе никогда не отказывали.

Последние два года Веселов работал заведующим пунктом по сбору утильсырья. По словам Марии Даниловны, Веселов помимо своей воли и желания был втянут в какие-то грязные дела. Будучи неопытным в подобного рода вещах, он не сразу сообразил, в какую компанию попал. Поняв же, ужаснулся, но нашел в себе мужество не только категорически отказаться от участия во всех махинациях, но и пообещать главным заправилам, что, если это будет продолжаться, он сообщит о них в органы милиции.

Тогда ему стали угрожать. Семен Сергеевич пытался скрыть от жены свои неприятности, старался уберечь ее

от лишних волнений, но в том, что ему плохо, сердце жены не могло ошибаться. Мария Даниловна назвала человек пять, которых она знала и которые, по ее мнению, угрожали мужу. Но сказать что-нибудь определенное, а тем более обвинить кого-нибудь из них в убийстве она бы никогда не посмела. Были ли у Семена Сергеевича с собой деньги, Мария Даниловна не знала, в эти дела он ее тоже не посвящал. Возможно, и были, так как Веселов иногда со сборщиками утиля рассчитывался своими деньгами. По крайней мере, совсем без денег он не выходил на улицу.

Что же касается молотка, то Мария Даниловна впервые увидела его на столе следователя.

Когда Веселова ушла, я торжествующе посмотрел на Кунгурцева. Но он, кажется, не обратил на мой взгляд никакого внимания.

Дальнейший план действий вырабатывался на совещании оперативной группы, в которую были включены следователь Крымова и четыре работника милиции, в том числе и я. Возглавлял группу Петр Иванович Кунгурцев. Эксперты (медик и графолог) уже кое-что успели установить. Оказалось, что группа крови убитого Веселова совпадала с группой крови, обнаруженной Кунгурцевым в кабине телефона-автомата. Выяснилось также, что анонимная записка была написана не Веселовым и что его смерть произошла от двух ударов тяжелым предметом, возможно молотком, пробившим черепную коробку. На черепе Веселова было обнаружено еще несколько небольших ран, скорее, даже ссадин. Но, как категорически утверждал эксперт, от этих ран он умереть не мог, в крайнем случае мог ненадолго потерять сознание. На деревянной ручке найденного нами молотка сохранились слабые отпечатки пальцев, непригодные для идентификации. Однако утильщик был убит

не этим молотком, так как вскрытие показало, что предмет, которым Веселову нанесли смертельные раны, был меньшего диаметра. Примерно было установлено и время убийства — между четырьмя и шестью часами вечера.

Все сообщенные экспертами факты в общем не противоречили моей версии. Только наличие ударов, нанесенных двумя предметами, озадачило всех. Высказывался целый ряд весьма неожиданных предположений. В конце концов сошлись на том, что убийца, отбросив первый молоток как малоэффективный, добил старика вторым молотком, который унес с собой. Мы расходились в оценке кое-каких деталей, но в главном были единодушны — убийцей был кто-то из утильщиков. Деньги же и часы если и были взяты, то лишь для того, чтобы симулировать убийство с целью ограбления.

— Я уже давно занимаюсь утильщиками, которых назвала жена Веселова, — сказал в заключение сотрудник ОБХСС нашего отдела. — Я бы и сейчас мог предъявить им кое-какие обвинения, но не делаю этого, потому что на днях, по моим сведениям, они должны проверить одно дельце, после чего их не спасет никакой адвокат. Я думаю, что смогу вам кое-чем помочь.

— А есть у тебя образцы их почерков? — спросил я.

— Нет, не всех, но это самое простое. Сегодня же они будут у вас. И еще я хочу сказать, — добавил он, — что хотя убитый Веселов не шел, конечно, ни в какое сравнение с остальными, но он тоже был совсем не так безгрешен, как об этом говорила его жена, хотя, скорее всего, она об этом действительно ничего не знала.

Сотрудник ОБХСС не обманул нас. Через несколько часов мы, пригласив эксперта-графолога, сличали почерки пятерых утильщиков с анонимной запиской. Все оказалось даже проще, чем я ожидал. Анонимная записка, найденная нами на столе Веселова, была написана заве-

дующим складом книжного утиля, старым жуликом и проходимцем, как выразился сотрудник ОБХСС, Михаилом Алексеевичем Петруничевым.

Дело о загадочном убийстве понемногу прояснялось. Мне казалось вовсе не обязательным ходить на склад книжного утиля. Я так и сказал Кунгурцеву.

— Разрешите мне вызвать Петруничева в отдел, чего за ним бегать. Ведь и так уже нам давно все ясно, только зря время теряем.

Но Кунгурцев не согласился со мной.

— Иди посмотри на Петруничева в близкой ему рабочей обстановке, в естественных для него условиях, а допросить его за следовательским столом ты ведь всегда успеешь.

Что он убежит, мы не боялись. С того момента, как было выяснено, что он автор анонимной записки, за ним было установлено наблюдение.

Склад книжного утиля производил сильное впечатление. Такого количества книг, собранных в одном месте, мне еще видеть не приходилось. Длинные, на десятки метров стеллажи в городской Публичной библиотеке всегда вызывали во мне благоговейный трепет. Но то, что я увидел здесь, поражало самое смелое воображение. На крохотной территории склада высились горы, сложенные из журналов и книг. В толстых кожаных переплетах, ледериновых обложках, отдельными кое-как скрепленными листами или просто россыпью, покособившиеся, пожелтевшие и сморщившиеся от времени, и совсем новые, как будто только что из типографии, они вызвали во мне чувство, понятное только таким же, как я, фанатикам библиофилам. Хотелось взять книги в руки, полистать их, потрогать. И хотя я понимал, что в утиль хороших книг не сдают, мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы вспомнить о цели своего прихода.

В малюсеньких промежутках-улочках между книжными горами деловито сновали работники склада. Они разгружали грузовики с новыми партиями книг, взвешивали книги на огромных весах, заполняли накладные, выписывали шоферам путевые листы.

Благодаря взятой в ОБХСС фотографии я легко узнал заведующего складом утиля Петруничева. Это был небольшого роста, полный, уже немолодой человек с низким, густым голосом. Сверкая глазами, он за что-то ругал огромного грузчика, который недовольно переминался с ноги на ногу, бурчал себе под нос, но открыто возражать не осмеливался. Между тем Петруничев расходился все больше и больше. Он уже не говорил, а кричал. Как мне показалось, причина для такого гнева была не слишком серьезной, но, как видно, для Петруничева это не имело большого значения.

«Ну и темперамент у человека, — подумал я. — Такой действительно может стукнуть молотком по голове».

Самое интересное заключалось в том, что окружающие занимались своими делами, не обращая на Петруничева ни малейшего внимания. А ведь его крик, конечно, слышали все. Очевидно, к вспышкам гнева заведующего на складе уже привыкли. Я терпеливо ждал, когда иссякнет запас его ругательств, но несколько недооценил Петруничева, потому что ждать пришлось довольно долго. Первым обессилел огромный грузчик, — сплунув себе под ноги и сказав что-то совершенно невразумительное, он отошел к своей машине. Воспользовавшись моментом, я обратился к Петруничеву:

— Мне бы хотелось с вами побеседовать.

Еще не успев остынуть после разговора с грузчиком, Петруничев не сумел сразу переключиться.

— Что вам нужно? — спросил он довольно грубо.

Я показал ему свое удостоверение.

Он неплохо владел собой, но лицо выдавало его сразу. Мгновенно оно стало белым, как будто его посыпали мукой.

— Я к вашим услугам, — сказал Петруничев заикаясь.

— Ну нет, не здесь, — ответил я и вручил ему повестку.

По дороге домой я не мог отделаться от ощущения, что каким-то образом уже когда-то сталкивался с Петруничевым, но где и когда, я, как ни бился, вспомнить не мог. Может быть, знакомым мне казался только его голос, чуть хриловатый и очень резкий, но и в этом я тоже не был уверен.

Когда я вернулся в отдел, меня уже ждал там наш постовой милиционер Федор Кадыров.

— Товарищ лейтенант, вы ведете дело об утильщике?

Он был очень взволнован, с трудом подбирая слова. Таким мне его еще не приходилось видеть.

— Ну, давайте выкладывайте, что там у вас, — сказал я, еще не понимая, какое старшина Кадыров может иметь отношение к делу об утильщике, но уже невольно заражаясь его волнением.

...16 мая, в шесть часов, когда Кадыров стоял на посту, к нему подошел сильно подвыпивший мужчина.

— Арестуй меня, старшина, — сказал он. — Я только что убил человека.

Постовой милиционер Федор Кадыров никогда ничему не удивлялся. Огромного роста, с чересчур длинными даже для него руками, он сам способен был вызывать удивление. Впрочем, у той публики, с которой Кадырову чаще всего приходилось иметь дело, чувство, вызываемое им, было скорее сродни страху: было изве-

стно, что, несмотря на свой рост, он весьма ловок, быстро бегают и «видит на три метра сквозь землю».

Как бы там ни было, на участке его поста пьяницы, хулиганы и игроки в очко предпочитали не появляться.

Неглупый, со средним образованием, Кадыров мог бы при желании неплохо продвинуться по служебной лестнице, но он предпочитал в течение вот уже десяти лет оставаться лучшим в районе постовым милиционером, грозой нарушителей и почти недостижимым идеалом для молодых милиционеров. Не мог пожаловаться он и на невнимание редакторов стенных газет, отводивших ему много места и в серьезных статьях и в отделе юмора, где его обычно изображали в виде неумолимой судьбы, неизбежно настигающей маленьких, скрюченных и смертельно перепуганных нарушителей.

Федору еще не приходилось выслушивать добровольные признания в убийстве, но если он и удивился, то вида не подал.

— Иди домой и проспись, а то я тебя действительно сейчас сведу в милицию, — сказал он, тщательно выговаривая слова, как обычно делал это, разговаривая с пьяными или маленькими детьми.

— Ты мне не веришь, старшина? Зря. Ведь я не шучу, — продолжал настаивать неизвестный.

Ситуация становилась острой. Несколько любопытных прохожих, прислушиваясь к разговору, замедлили шаги. Кадыров немного подумал:

— Если не шутишь, скажи, кого ты убил и где?

— Вот это уже серьезный разговор. Но...

Неизвестный указал на обступивших их прохожих. В этом Кадыров был с ним вполне согласен.

— Ну что ж, пойдём.

Если бы Кадыров начал работать в милиции вчера, он, может быть, и поверил бы в убийство. Но он был

слишком опытен для такой чепухи. Мало ли что может взбрести в голову пьянчужке! Но вмешаться он все же считал себя обязанным. Не оставлять же неизвестного на улице в таком состоянии, — еще действительно что-нибудь сделает. Пусть немного посидит в отделении и придет в себя.

По дороге в отделение Кадыров обратил внимание на то, что его спутник не так сильно пьян, каким казался вначале.

Это Федору совсем не понравилось. Ему вовсе не улыбалось привести в отделение какого-то шутника неизвестно за что, тем более что об убийстве тот по дороге уже не вспоминал, а завел длинный и совершенно неинтересный для Кадырова разговор о том, что в средней полосе люди хмелеют гораздо раньше, чем, скажем, на севере.

Когда они уже были совсем рядом с отделением милиции, спутник Кадырова вдруг резко остановился, как будто его хлестнули по ногам. Перехватив его взгляд, Федор заметил на противоположной стороне улицы модно, даже несколько щеголевато одетого мужчину, в очках с золотой оправой, неторопливо заворачивающего за угол. Интуитивно Кадыров почувствовал, что между этими людьми существует какая-то связь, но все это, в общем, его не слишком интересовало. Спутник Федора сделал в нерешительности еще пару шагов, а потом повернулся к нему.

— Ну что, хорошо я тебя разыграл, старшина? — сказал он, улыбаясь.

— По башке бы тебе дать за такие шутки, — со злостью ответил Кадыров. — Иди и не попадайся мне больше.

На следующий день, придя на работу, Кадыров узнал об убийстве утильщика...

— Убийца сам в руки просился, а я его отпустил. Что ж делать теперь, товарищ лейтенант?

— Обождите, Федор, — сказал я ему, еще не вполне осознав всей важности его сообщения. — Может быть, это не имеет к утильщику никакого отношения. А как он выглядел, этот ваш убийца?

— Это очень высокий мужчина, — начал Кадыров, — в выцветшей военной гимнастерке...

На оперативном совещании группы я сообщил о случае, происшедшем со старшиной Кадыровым. Поначалу это сообщение произвело на всех впечатление.

— И дворничиха видела убегающего человека в гимнастерке, — сказал мой товарищ еще по университету, оперативный работник Миша Петелин. — Гимнастерка безусловно отождествляет этого человека с тем, кто подошел к Кадырову.

— К тому же пост Кадырова находится рядом с местом убийства, — добавил Кунгурцев. — И потом сопоставьте время. После убийства прошло не более получаса. И согласитесь, такое признание все-таки мало похоже на шутку.

— Зачем же он превратил его в шутку? — спросила Крымова.

Петр Иванович пожал плечами:

— Мне самому это непонятно. Может быть, какую-то роль в этом превращении сыграл его сообщник, которого он увидел на противоположной стороне улицы.

— А я так вообще не верю, что человек, совершивший убийство, уже через полчаса раскаялся и пошел признаваться в нем первому же попавшемуся милиционеру. Это, конечно, глупая шутка пьяницы-забуддыги, а мы тут ломаем себе над этим головы, — сказал сотрудник ОБХСС.

На этом совещание закончилось. Мы могли сидеть и до утра, но ведь данных о человеке в гимнастерке у нас действительно больше не было. В результате мы пришли к выводу, что пока следует главным образом заняться Петруничевым, версию же с «раскаившимся» пьяницей разрабатывать параллельно. Кунгурцев заметил при этом, что анонимная записка, конечно, важная улика, она дает право подозревать заведующего складом книжного утиля, но арестовывать его по обвинению в убийстве у нас пока нет оснований.

Очевидно, это хорошо понимал и сам Петруничев, потому что на допросе он уже не напоминал того человека, который так испугался, когда я показал ему на складе свое служебное удостоверение. Ни тени испуга, даже растерянности или хотя бы сомнения. Легко, непринужденно, почти весело отвечал он на наши вопросы.

— Вы хотите, чтобы я вам помог? Пожалуйста. Только знаю-то я немного, хотя и работал некоторое время вместе с Веселовым.

Он неплохо подготовился к встрече с нами, но ведь и мы готовились к встрече с ним. И наши козыри были сильнее, чем его.

Петруничев понял это, хотя и с некоторым опозданием. Когда сотрудник ОБХСС напомнил ему о его участии в тщательно разработанной операции превращения целлюлозы в утиль, а потом обратно в целлюлозу, он изобразил на своем лице сильное волнение, но переиграл, потому что дело это было давнее и он выполнял там подсобную роль. Однако за делом о целлюлозе всплыло крупное дело с книжным магазином, затем Петруничеву пришлось признаться в еще более крупных операциях, левых рейсах и фальшивых накладных... Все это было уже очень серьезно для него и грозило ему не одним годом тюрьмы. И все же... Все в мире относительно. Сей-

час это волновало его не так сильно. По мере того как мы углублялись в дебри его жульнических махинаций и уходили в сторону от убийства Веселова, внутренне он все больше и больше успокаивался. Показное же его волнение нас не обманывало. Мне даже показалось, что он как-то расслабился, потерял бдительность и самоконтроль. И вот в этот-то момент Крымова и спросила его насчет анонимной записки. Как ни странно, ожидаемого нами эффекта этот вопрос не дал. Быть может, Петруничев предусмотрел вопрос и сумел к нему подготовиться. По крайней мере, заведующий складом очень естественно удивился и даже возмущился:

— Что за мной числится, то числится, я же не отказываюсь. Но никаких записок я не писал и прошу меня в это дело не впутывать.

И тогда я спросил его, зачем он сообщил мне по телефону об убийстве Веселова.

Не без внутреннего удовлетворения я отметил, что этот вопрос подействовал на него, как внезапно разорвавшаяся бомба. Минуту он остоленело смотрел на меня, а потом закрыл лицо руками и заплакал. Понадобилось некоторое время, чтобы он смог прийти в себя, и с этого момента его показания приобрели для нас особое значение. Вот они — слово в слово.

«Веселов мешал нам. Он слишком много о нас знал и в любую минуту мог сообщить в милицию. Нам даже казалось, что он кое-что уже сделал и что у него появились знакомые в ОБХСС. Мы были уверены, что если его как следует припугнуть, он испугается. И меня уговорили написать ему эту проклятую записку. По прошествии некоторого времени я решил проверить, подействовала ли записка на него. Мы договорились с ним о встрече 16 мая, а чтобы нам никто не мешал, я должен был прийти к нему в пункт сбора утиля в нерабочее время,

часов в шесть. Семен Сергеевич сказал мне, что в начале пятого один молодой человек принесет ему два мешка хорошего утиля, а потом он (Веселов) будет свободен. Я опоздал минут на двадцать, и когда пришел к нему, то нашел его лежащим на полу и истекающим кровью. Он был еще жив, хотя и без сознания. Я не хотел его смерти и... еще я подумал, что, если он умрет и найдут мою записку, меня обвинят в убийстве. Я перерыл весь стол и проверил карманы Семена Сергеевича, запачкал руки кровью, но ничего не нашел. И тогда из ближайшего автомата я позвонил в милицию. Я надеялся, что его успеют спасти и он расскажет, кто его ударил. Поверьте, я воровал и мошенничал, но никогда не был убийцей».

— Возможно, конечно, что все это сказка, хотя и очень искусная, — сказал Миша Петелин, когда Петруничева увели. — Он и позвонил для того, чтобы пستم при случае рассказать нам эту историю. Если бы, мол, я убил, зачем мне было сообщать вам. А вот как ты, Виктор, догадался об этом? Неужели с одного раза запомнил голос?

— Ну нет, еще при посещении книжного склада я не был уверен в этом. Теперь же, во время допроса, стоило мне только подумать, а не он ли звонил по телефону, как голос Петруничева показался мне очень знакомым, и я решил проверить свою догадку.

Обычно разговаривая Крымова долго молчала, а потом сказала:

— Петруничев может красть и обманывать, может пустить по миру родного брата, но убийство — это на него непохоже.

Мне было страшно подумать, что все придется начинать сначала, но, честно говоря, Петруничев и мне уже не казался убийцей. И еще меня ужасно мучила мысль, что убийца, кто бы он ни был, не мог носить с собой це-

лый набор молотков. Тогда откуда же взялось и куда исчезло второе, главное орудие убийства?

Между тем старшина Кадыров стал вести себя как-то странно. Раз по десять в день он приходил ко мне, к Крымовой или другим членам нашей оперативной группы, чтобы узнать, не поймали ли мы уже убийцу. Мы говорили ему, что нам еще не все ясно. И каждый раз он уходил с таким видом, как будто бы в том, что нам не все ясно, виноват он один. На улице он заглядывал в лица прохожих, без особой на то надобности заходил в винные магазины и пивные своего участка, несколько раз оставивал совершенно незнакомых ему людей, а потом, убедившись в своей ошибке, долго извинялся перед ними. Сходил он и к дворничихе Соколовой из дома № 8 по улице Петрова и поговорил с ней о человеке в гимнастерке. И хотя большой опыт работы в милиции подсказывал ему, что найти человека в большом городе, не зная его привычек, его хотя бы приблизительного места жительства, почти невозможно, Кадыров не терял надежды. Он убедил себя в том, что, если человек в гимнастерке имел отношение к убитому Веселову, он должен жить в нашем районе — по той простой причине, что к утильщику в другой район обычно не ходят. Эта, в общем здоровая, мысль давала ему силы для почти безнадежных поисков. И упорство его было вознаграждено, хотя и не совсем так, как он ожидал.

Во время очередного дежурства Кадырова метрах в пятидесяти от него серая «Волга» врезалась в угол дома. И хотя катастрофа произошла на небольшой скорости, последствия ее были для машины ужасны. Оба передних колеса отскочили, осколки стекла толстым слоем покрыли мостовую. Как ни странно, водитель совершенно не пострадал. Он сидел в машине и молча дергал за ручку заклинившейся от удара дверцы. Из прохожих, к счастью,

тоже никто не пострадал, если не считать гражданина средних лет, которого чуть задело отскочившее от «Волги» колесо. Как всегда в таких случаях, машину обступила толпа любопытных. Проталкиваясь сквозь ряды уличных зевак, Кадыров вдруг услышал обидную фразу:

— Поздно, милиция. Надо лучше исполнять свои обязанности.

Возможно, Кадыров и не обратил бы внимания на эти слова, если бы задетый колесом гражданин мгновенно не отреагировал на них:

— Милиция! А у нее нет обязанностей, одни только права.

Кадыров резко повернулся к нему и сразу же увидел того самого мужчину в очках с золотой оправой, которого заметил, когда вел в милицию человека в гимнастерке. Теперь он мог рассмотреть его более внимательно. Человеку было лет сорок пять, но на расстоянии он казался моложе. Одет он был весьма модно, но слишком кричаще, и при этом — явно не по возрасту. Чуть раскосые глаза с сеточкой морщин под ними нагло взирали на милиционера из-за очков, поблескивавших стеклами и золотом.

Человек был так спокойно-безмятежен, так уверен в себе, что Кадыров неожиданно для себя оробел.

«Сейчас я сделаю вторую за неделю ошибку, если задержу такого приличного мужчину», — подумал он. Однако другого выхода не было. Тем более что наметанный глаз Федора заметил вдруг на руке человека в очках наколотую чуть выше кисти надпись «не забуду мать родную». Это совершенно не вязалось с его импозантной внешностью.

Кадыров приложил руку к козырьку:

— Гражданин, мне нужны свидетели аварии. Не можете ли вы установить кое-какие подробности? Вот

тут отделение рядом. Пройдемте со мной. Это простая формальность, — сказал Федор.

— Что ж, пойдем, — сказал человек в очках без всякого, впрочем, энтузиазма. — Другой бы стал спорить.

После проверки выяснилось, что приведенный Кадыровым человек по фамилии Карташев является крупным вором-рецидивистом. Но это обстоятельство не давало милиции права задерживать его, потому что согласно документам он в настоящее время был освобожден по отбытии срока наказания и законно пребывал на свободе. Карташев очень хорошо понимал это и вел себя в отделе более чем развязно: шумел, довольно противно острил, отказывался отвечать на вопросы, не имеющие, по его мнению, «никакого отношения к автомобильной катастрофе».

Через картотеку Управления мы довольно быстро установили, что во время войны Карташев дезертировал, был пойман и отправлен в штрафной батальон. После войны работал охранником в лагере для военнопленных, но вскоре за расправу над заключенным сам был посажен за решетку. После отбытия срока был уличен в крупных кражах и вновь осужден и лишь недавно освобожден по амнистии. За последние несколько месяцев сменил пять мест работы, нигде надолго не задерживался. Средний заработок его за это время не превышал восьмидесяти рублей в месяц. Источники его внешнего величия были неизвестны.

Карташев небрежно сидел, или, скорее, полулежал, на стуле, закинув ногу на ногу и облокотившись на спинку стула. При этом он все время иронизировал, очевидно считая себя необычайно остроумным человеком.

— Насколько я смог разобраться в ситуации, вы кого-то разыскиваете, но, надеюсь, вы поняли уже, что я не

тот, кто вас интересуется, — сказал он, небрежно смахивая с рукава пиджака приставшую к нему пылинку.

— Ну почему же? — сказал я в тон ему. — Вы себя явно недооцениваете. Вы и сами по себе можете заинтересовать кого угодно.

— Я очень польщен. — Он приложил руку к сердцу. — Но дело в том, что я опаздываю на свидание. А ведь, сами понимаете, мне не тридцать, женщины меня уже долго не ждут. — Карташев взглянул на большие стенные часы над дверью. — Неужели вам не жалко тратить на меня такое количество вашего драгоценнейшего времени?

— Не обращайтесь на них внимания, они очень спешат. На моих, например, сейчас только четыре, а на ваших?

Он поднес левую руку к глазам. Потом вдруг засмеялся:

— Да, совсем забыл. Ведь я оставил их дома. Скле-роз.

— Боюсь, что вы неточно поставили себе диагноз, — сказала Крымова. — Ведь вы не забыли часы дома, а, пытаясь избавиться от них, опустили их в урну по дороге в милицию. К счастью, это заметил старшина Кадыров.

Она положила на стол старинные и, по-видимому, очень дорогие золотые часы швейцарской фирмы Павел Буре.

— А как вы докажете, что эти рыжие котлы принадлежат мне? — спросил Карташев, не замечая, что переходит от «великосветской» речи к блатному жаргону.

— Это уже наша забота, — холодно сказал я.

Карташев мотнул головой и набрал в легкие воздуха, как будто собираясь прыгать с моста в воду.

— Пишите, от вас все равно не скроешься, — выдохнул он. — Я дешево купил их у одного раззявы на Северном вокзале. Ему не на что было выпить, и он предложил их мне.

Карташев снова солгал, потому что вызванная через час в отдел Мария Даниловна Веселова показала, что предъявленные ей золотые часы фирмы Павел Буре принадлежали ее покойному мужу.

Впрочем, солгал ли? Ведь действительно за несколько дней, прошедших с момента убийства и ограбления утильщика, его часы могли пройти через несколько рук и в конце концов оказаться у Карташева. Тот факт, что часы, ранее принадлежавшие Веселову, были изъяты у Карташева, вовсе не означал, что Карташев — убийца. С другой стороны, если Карташев на самом деле купил часы у кого-то на вокзале, зачем он сделал попытку «потерять» их по дороге в милицию? Когда же выяснилось, что Карташев не может толком объяснить, где он был в день и час убийства Веселова, положение его сразу стало безвыходным.

Карташеву было предъявлено обвинение в убийстве Веселова.

И все же понадобилось еще три дня для того, чтобы прижатый к стенке Карташев, отказавшись от своих прежних показаний, назвал Панина — человека, который дал ему часы Веселова для продажи.

— Я не знаю, где он живет, — сказал Карташев. — Но есть одна пивная тут поблизости, он часто ее навещает.

На четвертый день у этой пивной был задержан Панин — человек в выцветшей военной гимнастерке.

Теперь в руках следователя был неоспоримый убийца. Панина избличало все — его видела дворник Соколова, на его гимнастерке были найдены замываемые следы крови. Правда, Панин утверждал, что две недели назад в пьяной драке ему разбили нос и он запачкал кровью гимнастерку. Но группа крови у него не совпадала с группой крови Веселова. Да и сам Панин не собирался как будто ничего скрывать. Перед нами сидел слабый, безвольный,

отупевший от непрерывного пьянства человек. Весь его облик никак не вязался в моем представлении с теми жестокими, хладнокровными преступниками, о которых я столько читал и слышал от старых сотрудников милиции. Впрочем, о каком хладнокровии вообще могла идти речь, если, не успев совершить убийство, он уже через полчаса пошел признаваться в нем? При аресте Панин не оказал никакого сопротивления. По его словам, он даже с облегчением воспринял его. Мучавшие его по ночам кошмары были страшнее любой действительности.

На допросе Панин рассказал о том, какую роль сыграло в его жизни знакомство с профессиональным преступником Карташевым.

Несколько месяцев назад Карташев познакомился в пивной с молодым геологом — Паниным. После двух бутылок водки Карташев уже знал все о своем новом знакомом. Прежде Сергей Панин часто ездил в геологические экспедиции и всегда с радостью возвращался домой, где его ждали любимая жена и восьмилетний сын. Но последняя его поездка была длительной и тяжелой. Может быть, поэтому Сергей и начал пить: слабовольный по природе, он действительно не годился для трудной профессии геолога. А начав пить, он уже не мог остановиться. Домой Сергей Панин вернулся алкоголиком. В экспедиции его больше не брали. С работы тоже пришлось уйти. Заработка жены едва хватало на то, чтобы прокормить троих, и о выпивке не приходилось и мечтать. Иногда Сергею давали взаймы, не очень надеясь на то, что он отдаст деньги. Старые приятели по экспедициям, случайно встретив Панина, угощали его где-нибудь в пивной, наскоро, стремясь поскорее от него отделаться. Своих денег Панин не имел. И тогда он начал воровать. Ни смелости, ни сноровки профессионального вора у него не было, и он отваживался на воровство

только в своей собственной квартире. Очень часто, приходя домой, жена недосчитывалась простыни, детского костюма, хрустальной вазы. Однажды она застала мальчика сидящим в темноте.

— Папа унес люстру, — плача сказал он ей.

Так судьба свела Сергея Панина с утильщиком Семёном Сергеевичем Веселовым. Веселов не знал, конечно, какими путями попадают к нему почти новые вещи, да и не очень этим интересовался.

— Я перетаскал к старику все, что мог, а потом больше нечего было нести.

— И где же вы потом брали деньги на водку?

— Сначала мне немного давал Карташев. Мы познакомились с ним в пивной.

— Чем же вы объясняете его доброту?

— Не знаю. Я над этим не задумывался.

— А часто вы с ним встречались?

— Несколько раз. Я рассказал ему о Веселове. Он сказал, что у утильщиков всегда много денег. Я запомнил его слова, но на грабеж никак не мог решиться. Однажды после долгого перерыва я встретил Карташева. Он спросил меня, не «поделился» ли утильщик со мной своими сбережениями. Я не пил уже целую неделю. Дольше терпеть не было сил, и я решился на ограбление Веселова. Вдвоем с Карташевым мы зашли к утильщику, и я пообещал старику принести ему завтра два мешка ценного утиля, а Карташев пошутил, что у Семёна Сергеевича не хватит денег со мной расплатиться. Веселов засмеялся и сказал, что он возьмет на завтра побольше. Потом по совету Карташева я сказал Веселову, что утром мне никак не успеть, и тот предложил мне прийти в четыре часа, уже после окончания его работы.

Панин силился вспомнить во всех подробностях, что же произошло дальше, но это удавалось ему с трудом.

— На следующий день, выпив для храбрости на деньги, одолженные мне Карташевым, я пришел к Веселову. «А где же утиль?» — спросил меня Веселов. Я подождал, пока он повернется ко мне спиной, и ударил его молотком, который украл у соседа. Веселов упал. А я испугался и, ничего не взяв, убежал.

— А деньги?

— Я ничего не взял.

— А куда вы дели молоток?

Панин долго думал, прежде чем ответить.

— Кажется, я оставил его там же в комнате.

— Вы украли оба молотка у соседа?

Панин непонимающе смотрел на нас.

— Которым из молотков вы добились старика?

— У меня не было второго молотка.

Мы переглянулись с Крымовой.

— И что же было дальше?

— Я подошел к постовому и сказал ему, что убил человека.

— Почему же потом вы превратили все в шутку?

— По дороге в милицию я немного протрезвел и начал сомневаться, правильно ли я поступил. А потом вдруг увидел Карташева. Он был так спокоен, так уверен в себе, что это придало и мне смелости.

— А когда вы передали ему часы убитого Веселова?

— Я не передавал Карташеву никаких часов...

— В этом деле мне еще не все ясно, — сказал Кунгурцев, когда Панина увели.

Даже много лет работавшая с ним Крымова с удивлением посмотрела на него.

— Простите меня, Петр Иванович, — не удержался я. — Если уж это неясный случай, то какой же тогда ясный? Разрешите мне еще раз вкратце изложить дело, как я его вижу.

— Слушаю вас, — сказал Кунгурцев.

— Слабый, безвольный Панин, — начал я, — не может удовлетворить свою постоянную потребность в водке. Все, что можно украсть у жены, он продает утильщику. На большее он не отваживается до тех пор, пока не встречает опытного и хладнокровного преступника Карташева. Тот легко убеждает его, что деньги уже у него в кармане, и буквально вкладывает ему в руки молоток. Но, только будучи пьяным, Панин решается на дело, которое совершенно не соответствует его характеру. Ударив Веселова молотком, он забирает деньги и часы, но уже через полчаса, трясаясь от страха, идет заявить на себя старшине Кадырову. По дороге он встречает Карташева. Психологически вид спокойного, уверенного в себе Карташева действует на него отрезвляюще. Он начинает думать, что поспешил с добровольным признанием, которое еще не поздно превратить в шутку, и блестяще использует эту возможность. Но уже через несколько дней все страхи возвращаются к нему. Часы не рискует продать. Кроме того, ведь надо же как-то отблагодарить Карташева. И он дарит их ему, заодно избавляясь от опасной улики. Единственное, что остается неясным, это судьба того предмета, которым был в действительности убит Веселов, но вы же видите, с каким трудом Панин вообще вспоминает последовательность событий. И про первый-то молоток он вспомнил с большим трудом.

— Что ж, вы, наверно, правы, — сказал Кунгурцев, когда я юнчил. — И все-таки мне не все ясно. Почему, например, Панин, признаваясь во всем, утверждает, что он не передавал часы Карташеву?

— Он этого просто не помнит, — сказала Крымова.

— Вы все очень многое объясняете плохой памятью Панина, — усмехнулся Кунгурцев. Но что он хотел сказать этим, никто из нас так и не понял.

...На очной ставке Карташев безжалостно уличал Панина. Он расстреливал его с дальних и ближних позиций, он бил по нему в упор. Любой прокурор мог бы позавидовать в этот момент памяти и красноречию Карташева. Он напомнил Панину день за днем самые мельчайшие подробности их встреч и разговоров. Сначала Панин пытался вносить коррективы, спорил, потом лицо его стало дергаться как от зубной боли и наконец, очевидно придя к выводу, что лишняя подробность его уже не должна волновать, он совсем замолчал. Теперь ему было все равно. Он поднял голову лишь тогда, когда Карташев напомнил ему о передаче часов, но ничего не сказал, только как-то удивленно посмотрел на нас и опять согнулся.

К нашему всеобщему удивлению, Кунгурцев вдруг открыл ящик стола и достал оттуда сверток.

— Товарищ следователь, — сказал он Надежде Петровне. — Приобщите к делу второй молоток, которым...

Он не успел закончить.

Раздался истошный крик Карташева:

— Да, я убил утильщика! Но я сам признаюсь в этом!

Кунгурцев развернул сверток. В нем была обыкновенная чернильница. Он спрятал ее обратно в стол.

Вот что рассказал нам после своего признания сам Карташев. 16 мая, не сказав ничего Панину, Карташев занял наблюдательный пункт на Кирпичном переулке, откуда через зарешеченное окно было видно все, что происходило в пункте приема утиля. Панин ударил Веселова молотком по голове. Старик упал. Решив, что он убил его, Панин, как сумасшедший выбежал из ларя, ничего не взяв. Карташев хладнокровно зашел в подвал, но в этот момент Веселов, оглушенный Паниным, пришел в сознание и сделал попытку подняться. Тогда Карташев нанес ему два смертельных удара молотком, с которым почти никогда не расставался, забрал часы и деньги

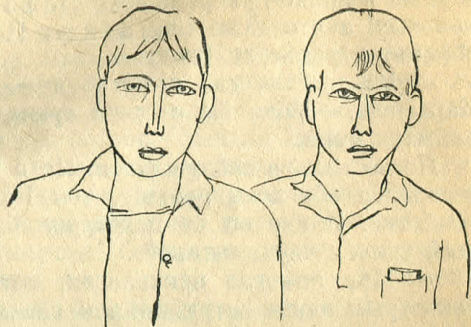
и ушел в полной уверенности, что до него милиции не докопаться и что даже если найдут Панина, то его же и обвинят в убийстве Веселова.

— Не помню, где я потерял свой молоток, — сказал Карташев. — Если бы не ваш трюк, вы не сумели бы поймать меня.

Но он сильно заблуждался. Петр Иванович Кунгурцев догадался обо всем раньше, чем Карташев признался в убийстве. Иначе он не подстроил бы ему этот простейший трюк с чернильницей.

— Мне помогла психология, которую так не любят некоторые наши сотрудники, — сказал нам Петр Иванович на следующий день, когда мы потребовали у него объяснений. — Вы, по-видимому, не придали никакого значения тому, как часто и охотно Карташев поил Панина и как настойчиво подводил его к убийству Веселова. Такие люди, как Карташев, не бывают филантропами. Значит, ему что-то нужно было от Панина. Но что? Заработать чужими руками несколько десятков рублей? Возможно. Но безусловно у Карташева была еще и другая цель. Поставив так вопрос, я уже без особого труда нашел и ответ на него. Вспомните, Карташев приехал в наш город совсем недавно, после заключения. Ему, понятно, нужны были связи, а главное — сообщник. Он и нашел его в спившемся, совершенно опустившемся Панине. Но его нужно было «связать», сделать послушным орудием. Для этого и понадобилось Карташеву убийство Веселова. То, что Панин не мог вспомнить про второй молоток и часы, окончательно убедило меня, что истинный убийца — Карташев. И еще я по опыту знал, что если моя версия правильна, то Карташев попадетя в какую-нибудь из ловушек, потому что даже у самого опытного и хладнокровного преступника есть животный страх, который он не в состоянии преодолеть.

П О Д В О Р О Т Н Я

— Ты у нас самый молодой, — сказал мне Петр Иванович Кунгурцев таким тоном, как будто я был виноват в этом. — Вот и пойдешь к мальчишкам.

Только этого мне и не хватало! За несколько лет работы в милиции я уже был и ассистентом хирурга, и поваром, и даже артистом. Что же касается педагогических талантов, то тут уж я абсолютно бездарен. Но слова Петра Ивановича звучали как приказ.

...Это была не совсем обыкновенная квартирная кража, если, конечно, кражу вообще можно считать обыкновенным явлением.

Вор унес несколько хрустальных ваз. В одной из них лежало пятьдесят рублей, тоненькое, старинной работы золотое колечко с топазом и отрез синей шерсти на платье — всего на сумму сто восемьдесят пять рублей, как аккуратно подсчитал возглавлявший розыск оперативный уполномоченный районного отдела милиции старший лейтенант Лавриков.

Но ущерб, нанесенный хозяйке этих вещей — пожилой, недавно овдовевшей женщине, Лидии Васильевне Парадиевой, не ограничивался сосчитанной Лавриковым суммой. То, что вор не смог унести с собой, он постарался испортить: разбрызгал чернила по стенам и мебели, разрезал на куски перочинным ножом огромный персидский ковер, покрывавший весь пол от двери до пианино у противоположной стены, и нацарапал длинное, замысловатое ругательство на полированной дверце серванта.

Такое странное поведение вора уже выводило кражу из разряда обыкновенных и поставило в тупик оперативного работника Лаврикова.

Наглость преступника проявилась еще и в том, что кражу эту он совершил в середине воскресного дня, всего за час с небольшим, точно уложившись во время, которое потребовалось Парадиевой, чтобы выйти из дома, купить в гастрономе картошки, хлеба и подсолнечного масла и вернуться обратно.

Лидия Васильевна не понравилась Лаврикову. И больше всего его раздражало в Парадиевой то, что она отчаянно торговалась с ним при оценке украденных у нее вещей, как будто он был не оперативным уполномоченным отдела милиции, а агентом по страхованию имущества. Лаврикову даже пришло в голову, что у такой неприятной женщины наверняка должны быть враги и что один из таких врагов и забрался к ней в квартиру. Эта версия могла бы заодно объяснить, почему вор тратил

дорогие для него минуты на то, чтобы испортить ковер и мебель.

— Если не враг, — объяснил Лавриков свою мысль Парадиевой, — то просто кто-нибудь, с кем у вас, скажем, неважные отношения.

Лидия Васильевна пожала плечами:

— Мне это неизвестно. Есть несколько человек, с которыми я состою, если можно так выразиться, в служебном конфликте. Ну, еще кое с кем не лажу в нашем домохозяйстве. Но это же не причина для того, чтобы резать мой ковер или царапать полированную мебель.

Она подумала еще немного и добавила:

— Кое-кто, конечно, завидовал моей обстановке.

Она горделиво обвела рукой свою комнату, тесно, не по-современному заставленную тяжелой, громоздкой мебелью. На стенах висели яркие и безвкусные картины. На полках стояли длинные ряды как будто выставленных на обозрение хрустальных ваз, фаянсовых безделушек, фарфоровых статуэток.

— В особенности старший брат моего покойного супруга, — продолжала Парадиева. — Он даже осмелился заявить, что я ускорила смерть мужа, заставляя его слишком много работать на эту, как мой милый родственничек выразился, «проклятую мебель».

— Так, может быть, он и побывал в вашей квартире, пока вы ходили в магазин? — спросил Лавриков.

Лидия Васильевна ошарашенно посмотрела на него. Постепенно до нее дошел смысл его слов, и она захохотала.

— Вы понимаете, о чем вы говорите? — наконец смогла она произнести, отдышавшись и вытерев выступившие на глазах слезы. — Он слишком для этого стар, да кроме того, кажется, уже месяц лежит в больнице с приступом язвы.

— А кто мог знать, что вы идете в магазин и что это займет у вас не меньше часа? Кстати, вы ведь были одна в квартире?

— Одна. Соседи на выходной уехали за город. А догадаться о том, куда я пошла, было не так уж трудно по моей продуктовой сумке. Магазин наш вот уже полгода на ремонте, и за продуктами приходится ходить довольно далеко. По воскресеньям там бывают очереди, так что меньше чем за час никак не управиться.

— Все это, конечно, ясно, — задумчиво протянул Лавриков. — Но ясно своему, живущему где-то здесь, рядом с вами, тому, кто хорошо знаком со всем тем, о чем вы сейчас рассказывали.

— Кто же мог видеть меня, когда я выходила из дома? — размышляла вслух Парадиева. — И при этом еще знать, из какой я квартиры и что соседи за городом? На лестнице я ни с кем не встретила, во дворе... постоите, — мальчишки, конечно, мальчишки. Они всегда толкуются в нашем дворе. У них здесь что-то вроде штаб-квартиры.

— Это мальчишки, — сказал Лаврикову присутствовавший при разговоре усатый дворник Максимов. — Черт бы их побрал, проклятых!

От него немного пахло водкой, и, стыдясь оперативного уполномоченного, он говорил в сторону, стараясь не дышать на него.

— Я их гоню со двора, а они только смеются надо мной. И в карты они здесь играют, и песни неприличные поют...

Он хотел еще добавить, что и водку пьют, но потом решил эту тему лучше не затрагивать.

— Конечно, мальчишки, — подтвердила председатель товарищеского суда домохозяйства Ольга Павловна Петухова, с которой Лавриков встретился, выйдя из квар-

тиры Парадиевой. — Кто же еще? Они и на убийство способны, я нисколько в этом не сомневаюсь. И что мы только ни делали, чтобы отвести их от нашего двора. Даже скамейки пробовали убирать, да только это не помогло. Собираются у нас всякие проходимцы со всей улицы. И чем им только наш грязный двор так приглянулся?

...Выполняя задание Кунгурцева, с тортом и букетиком фиалок я вхожу во двор дома, где живет Парадиева. Мрачный, затхлый, полутемный колодец. Солнце спускается сюда не часто, и лужи здесь почти никогда не высыхают. Три чахлых деревца бессильно опираются на колышки, вбитые кем-то наспех и неумело. Посредине двора — грубо сколоченный, врытый в землю стол. Нетрудно догадаться, что поставили его сюда по инициативе доминошников. Но сейчас на нем пятеро подростков ожесточенно режутся в карты. Я бросаю на них безразличный взгляд и подхожу к ближайшей парадной. Номера квартир снаружи стерлись от времени, и я не могу определить, здесь ли живет девушка, к которой я пришел в гости. Кроме ребят, играющих в карты, во дворе больше никого нет, и я просто вынужден обратиться к ним за помощью.

— Где здесь десятая квартира?

Ребятам явно не до меня, и мне приходится повторить свой вопрос.

Наконец один из них, не принимающий участия в игре, с огромной огненно-рыжей шевелюрой, удостоивает меня ответом:

— Вон на той лестнице, на четвертом этаже.

Через пять минут я возвращаюсь обратно. На лице у меня написано огорчение.

— Не повезло, — говорю я рыжему пареньку. — Ее нет дома.

— Подождите, придет, куда она денется, — не слишком вежливо отвечает он мне, не отрывая взгляда от игры.

Это как раз то, что мне нужно. Я сажусь на край скамейки и вынимаю газету.

Мне двадцать четыре. Им — по шестнадцать-семнадцать. Не такая уж и маленькая между нами разница: в этом возрасте ведь каждый год имеет значение. Но мне нужно найти с ними общий язык. Я обязан это сделать, иначе не выполню задания Кунгурцева. А какое, собственно, задание он мне дал? У нас нет серьезных оснований считать, что кражу в квартире Парадиевой совершили эти подростки. В принципе, конечно, такое могло случиться, но ведь никто из высказавших это предположение — ни Парадиева, ни дворник, ни председатель товарищеского суда — не смогли представить в его защиту ни одного мало-мальски убедительного довода. Все же, хотя поисками преступника занимается главным образом оперативная группа во главе с Лавриковым, я должен проверить версию с мальчишками.

— И кроме того, — сказал мне Кунгурцев перед тем, как я вышел на задание, — если эти предоставленные самим себе ребята еще не воры, то они могут ими скоро стать. Посмотри, что можно для них сделать. Надеюсь, ты не забыл, что главная задача милиции — не раскрывать преступления, а предотвращать их.

Теперь я должен найти общий язык с мальчишками, играющими рядом со мной в карты. Когда я был таким, как они, я удивлялся взрослым, которые не могли понять меня и моих приятелей. Мне казалось, что через много-много лет, даже в пятьдесят, я сумею остаться своим в любой компании мальчишек. Увы, это оказалось одним

из многих моих заблуждений. Сейчас мне двадцать четыре, и я не представляю себе, о чем могу разговаривать с этими ребятами, такими, каким был я сам всего восемь лет назад.

На первый взгляд они очень похожи друг на друга. Все юные, вихрастые, задорные. Но стоит только немного к ним присмотреться — и убеждаешься, что они очень разные. Разные по манерам, поведению, по тому, как играют в карты и даже по тому, как к ним относятся остальные.

Вот, например, коротышка в голубой бобочке на «молнии». Ребята относятся к нему пренебрежительно. За десять минут, что я здесь сижу, никто ни разу не обратился к нему по имени. Играет он очень осторожно, даже трусливо и все-таки проигрывает. Игра идет на деньги. Когда он выигрывает, то смеется визгливым, бабьим смехом. Но смеется он все реже и реже, потому что играть ему больше не на что.

А вот имя, которое здесь произносится чаще других, — Сашка. В игре одновременно могут участвовать только двое. Партнеры его постоянно меняются. Сашка же все время в игре. Он играет легко, весело, без всякого напряжения и все время выигрывает. У него неправильные черты лица, прилизанные волосы, мелкие зубы. Он веселый, но недобрый и, как мне кажется, очень жадный. В игре его интересует возможность легко заработать деньги. Когда коротышка в бобочке, проиграв все, что у него было, пытается играть в долг, Сашка так цыкает на него, что тот в страхе пятится.

Игра кончилась. Стемнело. Уже трудно различать карты, да к тому же Сашке больше не с кем играть. Рыжего Павла, который объяснил мне, на какой лестнице квартира № 10, карты совсем не интересуют. У него хорошее, интеллигентное лицо. Время от времени он вдруг задумы-

вается, смотрит куда-то на стену дома, как будто видит там что-то, недоступное другим.

Игорь, как мне кажется, здесь главный. Он и больше, и, видимо, сильнее любого из них. И Сашка просто боится у него выигрывать. А тот тоже не рвется в бой.

Закончив игру, Сашка берет в руки гитару, проверяет большим пальцем, как натянуты струны, и передает ее Игорю. Игорь обводит взглядом присутствующих, выясняя, готовы ли они слушать его, и поет довольно приятным, немного вибрирующим голосом:

Не жди меня, мама,
Хорошего сына,
А жди меня жулика, вора,
Меня засосала болотная трясина...

В другое время я посмеялся бы над пессимизмом шестнадцатилетнего мальчишки, но сейчас мне не до этого. Я мучительно думаю, как мне привлечь внимание ребят. На меня они даже не смотрят. А мне обязательно нужно завязать с ними знакомство, но так, чтобы инициатива исходила от них.

Я достаю пачку американских сигарет с яркой, кричащей этикеткой, щелчком выбрасываю из коробки одну сигарету, дольше, чем это нужно, задерживаю пачку в руке, повернув ее рисунком к ребятам. Моя хитрость удастся. Сашка замечает сигареты. Он встает, неторопливо и с достоинством подходит ко мне:

— Аллё, дайте закурить.

Это не просьба, почти приказ. Церемониться ему не к чему. Но я не тороплюсь. Пристально, в упор смотрю ему прямо в глаза и перебрасываю сигареты через его голову Игорю. Это производит впечатление, а Сашка, бросив на меня злобный взгляд, возвращается назад, как подбитая собака. Пожалуй, мой эффектный жест производит

впечатление на всех, кроме того, на кого он главным образом был рассчитан. Игорь небрежно ловит одной рукой пачку и, не выпуская из другой гитару, сразу же, не удастая меня и малейшим вниманием, передает сигареты соседу. Зато остальные с любопытством, напрягая зрение в быстро сгущающейся темноте, рассматривают лихого ковбоя, набрасывающего лассо на полуобнаженную амазонку, и бесцеремонно опустошают пачку. Ко мне она возвращается почти пустая. Зато в компенсацию за утраченные сигареты завязывается какое-то подобие разговора.

— Я б такую тоже заарканил! — говорит, делая глубокую затяжку, белобрысый, худенький паренек по кличке Хрящ.

Ему не больше пятнадцати. По идее, я должен был бы отвести ему за курение подзатыльник, но здесь я вынужден вести с ним разговор на равных, как взрослый со взрослым.

— Сигареты из Штатов? — интересуется Сашка. — А сами давно оттуда?

— Да нет. Это товарищ привез.

Интерес ко мне заметно падает.

— Что ж ваша знакомая вас обманывает? — вдруг спрашивает Сашка.

— А ты откуда знаешь, к кому я пришел? — отвечаю я вопросом на вопрос.

— Так вы же сами сказали, что ее нет дома, — говорит Павел дружелюбно. — Да и потом мы ведь здесь всех знаем.

Я делаю вид, что забыл об этом.

— Ах да, конечно. Понимаете, ребята, на полчаса всего опоздал, а ее уже нет. Хотелось бы дождаться, а то темнеет, а у вас тут, говорят, беспокойно. Старика какого-то обокрали.

— Да не старика, а женщину, — простодушно поправляет меня Хрящ. — Лидию Васильевну. Да только мало у нее, говорят, взяли. Жадная она, из-за рубля задается.

Я перехватываю молниеносный взгляд, который Сашка бросает на Игоря, но делаю вид, что ничего не замечаю.

— Помолчи, Хрящ, — с угрозой говорит ему молчаливый до сих пор Игорь. — Что ты в этом понимаешь, мал еще.

Я встаю.

— Да, пожалуй, мне ее не дожидаться. Пока, ребята...

— Ты только не переигрывай, — сердито сказал мне на следующий день в отделе Петр Иванович Кунгурцев. — С ребятами все-таки дело имеешь.

— Ну, Петр Иванович, что же мне прийти и представиться — лейтенант милиции Аксенов. Кто тут воры? Стройся! В отделение шагом марш!

— Ну, ладно, ладно, — проворчал Кунгурцев. — Нечего передергивать. Нельзя ли поближе к делу?

— Да нет никакого дела, Петр Иванович. Ребята как ребята. Никто ими, как видно, не занимается. Никому до них нет дела. Проводят все свое время в мрачном, захламленном дворе. Вот они и курят, и ругаются, и в карты играют. Об ограблении квартиры они, может быть, что-нибудь и слышали, но сами вряд ли к этому имеют отношение.

— К сожалению, имеют, — мрачно сказал Кунгурцев. Детская преступность всегда особенно сильно волновала его.

— Вам что-нибудь удалось узнать? — спросил я.

Петр Иванович молча протянул мне несколько листов

бумаги, исписанных мелким почерком оперативного уполномоченного Лаврикова. Из его сообщения я узнал, что на следующий день после ограбления квартиры Парадией в комиссионном магазине на Новой улице был задержан человек, сдававший синий отрез Парадией. Он оказался чистильщиком ботинок на привокзальной площади. На вопрос Лаврикова, откуда у него отрез, он ответил, что вчера к нему подошел высокий, костистый мужчина цыганского типа лет сорока пяти — пятидесяти и предложил ему купить по дешевке отрез, так как очень спешил на поезд.

— «Нужны деньги, друг, а времени сдать в комиссионку не осталось» — так он мне сказал, товарищ старший лейтенант, — заявил чистильщик. — Ну, я и решил немного заработать. Ведь не враг же я себе.

— Найти же мужчину цыганского типа, — сказал Кунгурцев, когда я закончил читать отчет Лаврикова, — пока не удалось, но дворник дома, в котором произошла кража, по описанию легко узнал в нем человека, которого несколько раз видел во дворе с твоими ребятами. Один раз, заметив, как незнакомый мужчина угощает ребят водкой, дворник сделал ему замечание, на что тот нахально заявил под смех мальчишек: «Могу и тебя угостить, мне не жалко».

Мне не хотелось думать, что рыжий Павел, молчаливый Игорь, маленький любознательный Хряц или даже малосимпатичный мне Сашка помогали обворовывать квартиру, но я вынужден был согласиться с Кунгурцевым, что без них это дело вряд ли обошлось.

— Если даже они и не принимали непосредственного участия в краже, — сказал Петр Иванович, — то уж по крайней мере были наводчиками для вора или караулили на улице, пока он чистил квартиру.

— Кстати, о девушке, к которой ты ходишь на сви-

дание, — спросил меня Кунгурцев, когда я уже собрался уходить. — Кто она такая?

— Это двоюродная сестра моего школьного приятеля, Петр Иванович. Мы предварительно созваниваемся с ней по телефону, и примерно за полчаса до моего прихода она уходит, так что наше свидание никак не может состояться.

...Во дворе меня встретили как старого знакомого.

— А вам опять не повезло. Только что ваша девушка ушла, — огорчился за меня Павел.

— Ну уж сегодня я ее обязательно дождусь, — заявил я.

Кроме уже знакомых мне Игоря, Сашки, Павла, Хряца и безымянного коротышки в бобочке во дворе было еще трое ребят. Один из них — тщедушный, чистенький и хорошо одетый — играл с Сашкой. Остальные следили за игрой, громко выражая свое отношение к удачным и неудачным действиям партнеров.

В окно первого этажа высунулась женщина. У нее было усталое, измученное лицо.

— Ребята, — сказала она возбужденно, — нельзя ли потише? Никак не могу укачать ребенка.

Но судьба ее ребенка никого не интересовала.

— Иди-ка ты, мамаша, подальше, — крикнул ей Сашка и громко выругался.

— Я милицию позову, — закричала женщина, — и вас заберут! Как не стыдно! Взрослый человек, а с мальчишками заодно! — Она с треском захлопнула окно. Последние слова были адресованы уже мне.

— Что, попало? — захохотал Павел. — В следующий раз не будете хулиганить.

Что меня поражало, так это то, что ребята меня совер-

шенно не стеснялись. Игра была крупная, на деньги, а они даже не пытались скрывать это от меня. Мое присутствие вроде бы и не тяготило их совсем. Как будто сам факт моего существования не имел для них никакого значения.

Чистенький мальчик отдавал Сашке проигранные деньги. Их было у него немного, но он, надеясь отыгратися, продолжал играть без денег и вдруг, пошарив в кармане, обнаружил, что ему больше нечем расплачиваться.

— У меня нет денег, — сказал он тихо, втянув голову в плечи.

— Расплатись и отчаливай, — жестко сказал Сашка.

— У меня нет, — беспомощно повторил мальчик. От страха пот выступил у него на лбу.

Сашка схватил его за левую руку в том месте, где ее опоясывал ремешок часов.

— Снимай часы.

Мальчик заплакал:

— Не могу, мама узнает.

— У всех мама, — безжалостно передразнил его Сашка. — Ты бы раньше о ней подумал. Карточный долг — долг чести!

Во мне все клокотало от злости. Может быть, я не имел права вмешиваться. Ведь я мог завалить дело, из-за которого сюда пришел. Да и «гогочку», честно говоря, я не жалел. Он сам был виноват в своих неприятностях. Но быть безучастным зрителем — к этому я не привык. А кроме того, Кунгурцев ясно сказал мне, что преступника, обокравшего квартиру Парадиевой, ищу не я один и что его наверняка найдут и без помощи ребят. «Главное, — сказал мне Петр Иванович, перед тем как я в первый раз пошел знакомиться с ребятами, — заставить их свернуть с того пагубного пути, на котором они, видимо, сейчас находятся. Это дело сложное, не одного дня.

Но первый шаг предстоит сделать тебе, а как, это ты решишь сам, на месте».

— Оставь мальчишку! — закричал я Сашке и сделал шаг по направлению к нему. Сашка заметно испугался, но в присутствии остальных он не позволил себе отступить.

— А иди-ка ты, — сказал он мне и сильно дернул мальчишку за руку.

В то же мгновение я рывком поднял Сашку со скамейки и простейшей подсечкой уложил его на землю.

Общее оцепенение длилось не больше секунды, а потом на меня бросились Павел, как видно в лучшем смысле понимавший законы дружбы, один из тех мальчишек, которых я увидел сегодня впервые, и вскочивший с земли Сашка. В руке у Сашки был камень.

— Стойте, идиоты! — раздался вдруг злой окрик Игоря, единственного из всех нас сумевшего сохранить хладнокровие. — Вы что, спятили?

Он здесь был главный. Это я заметил еще в первый раз. Сашка нехотя бросил камень, а Павел и второй мальчишка немедленно вернулись на свои места.

— Что вам от нас нужно? — спросил меня Игорь.

— Да ничего, — ответил я, как будто ничего и не случилось, — просто не люблю, когда маленьких обижают.

— А кто его заставлял приходить сюда играть?

— Никто, конечно. Я его и не оправдываю, но зачем же снимать часы? Ведь ему попадет дома.

— Карточный долг — долг чести, — заученно повторил Игорь.

— Какая честь, когда Сашка играл нечестно, — смеялся я. — Нечестно, понимаете? И вы, как дураки, кушали это.

— Ну и что, если нечестно, — заступился за Сашку

Игорь. — Не надо зевать. Все люди делятся на волков и овец. Не будь овцой, вот и вся хитрость.

— Так рассуждали фашисты, — сказал я. — Выходит, ты с ними заодно.

— Ну уж это вы бросьте, — рассердился Игорь. — У меня отец на фронте погиб.

— Он, наверно, не за то погиб, — жестко сказал я, — чтобы его сын играл в карты.

— Но ведь карты продают в магазинах, — с издевкой бросил пришедший в себя Сашка. — Что ж плохого в игре?

— Можно иногда поиграть и в карты, но тратить на них все свободное время — это слишком большая роскошь. А зарабатывать деньги с помощью карт и вообще подло. Вы же молодые, здоровые — горы можете перевернуть. Да только не перевернете, не та у вас закуска. Всю жизнь проживете, а вспомнить будет не о чем. И что вы тут толкуете о карточном долге — долге чести? Вы на меня не обижайтесь, но это же выдуманно для таких дураков, как вы. Иначе кое-кто не сможет жить с помощью карт. И объясните мне, пожалуйста, почему не отдать карточный долг — это нечестно, а, скажем, ограбить одинокую пожилую женщину — это в порядке вещей?

— А дядя Вася сказал... — вдруг перебил меня Хрящ. Но он так и не успел рассказать, что же сказал дядя Вася. Игорь так толкнул его, что он чуть не слетел со скамейки.

Я опять, конечно, не дождался своей знакомой, но домой на этот раз я возвращался не один. Меня провожали Игорь и Павел. На улице мне было легче разговаривать с ними. Двор — тесный, холодный, угрюмый — не располагал к откровенности. И выйдя со двора на улицу с ее неумолчным шумом и скрежетом трамваев, пленающим шуршанием троллейбусных шин, веселыми выкриками

ребятишек, на улицу, где все было другое — воздух, солнце, деревья, — мы сразу почувствовали какое-то расположение друг к другу.

По дороге ребята рассказали мне о себе.

Павел никогда не знал нужды. Но не хлебом единым жив человек. Павел не знал родительской любви и заботы. Отец его — моряк дальнего плавания — редко бывал дома. В его нечаштые приезды мать была нежна с сыном. В остальное время Павел мешал ей, ибо больше всего на свете она любила веселое общество, рестораны, внимание мужчин. Сыну она ни в чем не отказывала, давала деньги, покупала дорогие костюмы. Но Павел давно уже понял, что этим мать откупалась от него за то, что лишила его своей материнской ласки и любви.

Павел много читал. Он был фантазером и мечтателем, и его представление о жизни носило нереальный, книжный характер. Я не знал, какое участие он принимал в квартирной краже — в это трудно было поверить, — но мне он казался честным, добрым, справедливым. И меня не удивило, что он делился со мной, в сущности почти незнакомым ему человеком. Все дело тут было в том, что ему чаще всего приходилось встречаться с людьми типа маминых друзей или Сашки. А с ними не очень-то хотелось откровенничать.

У Игоря жизнь сложилась еще труднее. У него не было ни отца, ни матери. Тетка вынуждена была взять на воспитание сына погибшего на войне брата, но лишний рот в доме казался ей наказанием, посланным за ее грехи. В десять лет она отправила мальчика в ремесленное училище. Игорь стал токарем и зарабатывал больше нее, но она по-прежнему не любила его. Только к прежней неприязни прибавился еще и страх перед рослым, грубоватым племянником. Когда ему становились невмочь от ее постоянные жалобы и попреки, он делал страш-

ное лицо и хватался за стул, а она в ужасе убегала в кухню и не возвращалась обратно, пока Игорь не уходил из дома.

У Игоря не было друзей, кроме Павла и Сашки. Сходиться с людьми ему мешал его властный, суровый характер. Равноправие в дружбе было не для него. Павел и Сашка охотно подчинялись Игорю. Павел — по врожденному добродушию, Сашка — потому, что всегда готов был уступить силе.

Все это мне рассказали ребята во второй вечер нашего знакомства, пока мы медленно, никуда не торопясь, шли по шумной центральной улице. Точнее, мне рассказал это Павел. Игорь был еще не очень откровенен со мной. Кое о чем я догадался сам.

Я не захотел оставаться в долгу и тоже рассказал им о своем детстве, о школе, об университете.

— Вот вы Сашку свалили приемом самбо, — вдруг сказал Игорь. — Мы с Павлом давно хотели записаться в секцию самбо. Вы, случайно, не знаете, как это сделать?

— Случайно знаю, — засмеялся я. — Даже, пожалуй, смог бы вам помочь. Меня будут только благодарить за то, что я привел таких парней.

Мы шли по улице увлеченные друг другом. Ветер кружил, переворачивал и бросал нам под ноги охапки золотистых осенних листьев. Жара спала. Чуть прохладный воздух, прикасаясь к коже, снимал с нее, как мочалка грязь, всю усталость, все напряжение дня, и не хотелось думать об убийствах и преступниках и о том, что идущие со мной ребята, быть может, всего неделю назад помогли обворовывать квартиру.

— А что, — спросил я их, — вам захотелось заниматься самбо после того, как я применил подсечку?

— Да нет, давно, — ответил Павел. — Но нас не брали.

— Это почему же?

— Характеристики требовали, — угрюмо включился в разговор Игорь. — А нам с Павлом особенно хвастаться нечем, вот и не брали.

...Я выполнил данное ребятам обещание, и уже через два дня привел их всех в спортивный клуб. Всех, даже маленького Хряща. Не пожелал пойти с нами только Сашка.

— Мне это ни к чему, — сказал он.

Преподаватель самбо, мой старый приятель, опытный педагог и мастер спорта, сразу же поставил перед ребятами жесткие условия:

— Никаких папирос, никакой водки, строжайший режим, иначе — за ворота.

Когда выдавалось свободное время, я любил приходить на тренировки и с интересом следил за успехами своих подопечных. По моей просьбе преподаватель не говорил ребятам, где я работаю, и ничто не мешало нашей дружбе. Особенно теплые отношения сложились у меня с Павлом и Игорем. Мы часто гуляли втроем по городу, ходили в кино, горячо спорили о прочитанных книгах. Я незаметно руководил их чтением, подсовывал то одну, то другую интересную и в то же время полезную книгу. Игорь уже стеснялся говорить, что все люди делятся на волков и овец, а я стал понемногу забывать о том, что явилось первопричиной нашего знакомства, — о квартирной краже у Парадиевой, как вдруг на одном из совещаний оперативной группы в отделе Кунгурцев сказал:

— По полученным нами сведениям, вор, забравшийся в квартиру к Парадиевой, — смуглый, цыганского типа мужчина, продавший чистильщику ботинок отрез синей шерсти, — и дядя Вася, угощавший ребят сигаретами, — одно лицо. Это Николай Семин — опаснейший преступник, вор-рецидивист, бежавший из лагеря и совершивший

по дороге убийство. Вот уже несколько месяцев милиция многих городов ищет его.

Когда совещание закончилось, Кунгурцев попросил меня остаться.

— Придется допросить твоих ребят, — сказал он. — Мы не можем допустить, чтобы такой опасный преступник разгуливал по городу.

— Петр Иванович, только не это, — попросил я. — Ведь ребята могут и не знать, где он. Такой хитрый и опытный негодяй вряд ли доверится шестнадцатилетним мальчишкам. Может быть, они вообще незнакомы.

— Не надейся, — покачал головой Кунгурцев. — Это неопровержимо доказано.

— Пусть будет так, но поймите и меня. Может быть, я и ошибаюсь, но мне кажется, что я что-то успел затронуть в ребятах, а теперь все это пойдет насмарку. И что они подумают обо мне? Что меня интересовали не они, а какой-то негодяй Семин. Вы же сами говорили, что главное — ребята.

— Ну хорошо, — сказал Кунгурцев. — Допустим, что я с тобой соглашусь. А что ты предлагаешь? Ждать, пока Семин убьет кого-нибудь или в лучшем случае совершит очередную кражу?

Он немного подумал и добавил:

— Знаешь что? Попробуй сам что-нибудь узнать. Но, к сожалению, в твоём распоряжении только один сегодняшний вечер.

Прежде чем уйти, я сказал:

— Тогда, Петр Иванович, мне придется довериться ребятам.

— Ну что ж, — сказал Кунгурцев. — Другого выхода сейчас у нас все равно нет.

Выйдя из отдела, я не сразу смог наметить дальнейший план действий. К кому же мне все-таки обратиться

за помощью? Коротышка в бобочке и маленький Хрящ абсолютно исключаются, трое ребят, которых я увидел, когда во второй раз пришел во двор, скорее всего, тоже: они случайные посетители двора. Значит, остаются трое: Павел, Сашка, Игорь. Сашка не вызывал во мне доверия. Павел вряд ли что-нибудь знал, он был слишком невосприимчив ко злу. Значит, остается Игорь.

На мой звонок дверь открыла тетка Игоря. Она долго и подозрительно смотрела на меня, потом крикнула в темноту коридора: «Иди, тебя!» — и ушла в кухню, не дожидаясь, пока выйдет племянник.

Увидев меня, Игорь не выразил ни малейшего удивления.

— Пойдем прогуляемся, — предложил я ему.

Он с готовностью согласился.

...В это же самое время, может быть на час раньше, Сашка выпрыгнул на ходу из трамвая и через проходной двор выбежал на улицу Ткачей. Но об этом, как и о том, куда он направился и зачем, я узнал гораздо позже от самого Сашки и из материалов суда над Николаем Семиным.

Выбежав на улицу Ткачей, Сашка посмотрел, как учил его дядя Вася, налево и направо и, завернув за угол, юркнул в темную парадную. Одним махом взлетев на четвертый этаж, он перевел дыхание, пригладил жесткие, растрепавшиеся от бега волосы и стремительно, боясь передумать, нажал, как было условлено (два раза длинно и один раз коротко), на белую пуговку звонка.

Минуты через три дверь чуть приоткрылась, удерживаемая короткой, массивной цепочкой. Еще через мгновение цепочка с резким металлическим звоном ударилась о стену, дверь широко распахнулась. Перед Сашкой стоял высокий, смуглый мужчина.

— Заходи, Сашенька, заходи, милый. Рад тебя

видеть, — почти пропел он, широко и приветливо улыбаясь.

Убедившись, что Сашка один, он ввел его в коридор и с помощью тяжелого засова и той же цепочки запер дверь изнутри. Теперь перед Сашкой был другой человек. От его улыбатого дружелюбия не осталось и следа.

— Ты что, продался, гад? Легавых за собой хочешь притащить? Я тебе что сказал? Сюда можно приходиться только в особых случаях! Что, забыл?

— А это и есть особый случай, дядя Вася, — быстро, скороговоркой сказал Сашка, как будто боясь, что ему не дадут объяснить, зачем он сюда пришел. — К нам во двор зачастил один человек. Сначала просто рядом сидел, потом за одного пацана заступился, трепался, что никакого нет карточного долга чести, все это враки, говорил. Ребят обещал в секцию самбо устроить — и устроил. Они раскисли, по улице с ним гуляли, о себе все ему рассказывали. Может, это он случайно к нам заходил, а, дядя Вася?

Но Николай Семин не верил в случайные совпадения, и страх, все последние недели ни на минуту не отпускавший его, клещами сжал ему горло.

— А про меня что болтали? — с трудом выдавил он из себя.

— Про вас ничего, дядя Вася. Да ведь они и не знают про вас. Адреса вашего никто не знает. Как мы квартиру с вами чистили, не знают. Игорь вроде догадывается, но он не скажет, вы же знаете его — умрет, а не скажет. И что вы учили нас в карты играть да про воровскую жизнь рассказывали, они тоже ничего не сказали. Я уже много раз к вам приходил, да все никак не мог застать.

— Ну ладно, Сашок, — сказал Семин, изо всех сил стараясь скрыть от мальчишки, что страх все больше и больше овладевает им. — Ты иди. В случае чего я тебя

найду. Спасибо, что предупредил. Ребятам только скажи, чтоб про меня молчали. Скажи, что дядя Вася все помнит, и хорошее, и плохое. До самой смерти помнит.

Когда Сашка ушел, Семин судорожно заметался по комнате. Он с трудом преодолел желание немедленно, сейчас же открыть дверь и бежать, бежать, пока не поздно. Зачем только он связался со щенками? Старый дурак, жалкий фраер, забыл, что они у всех на виду, как бельмо на глазу. Но ведь не было у него другого выхода: один в чужом городе, без жилья, без денег, без знакомых. Бежать, скорее бежать куда-нибудь, где можно затеряться, заставить на время забыть о себе. Как-нибудь перебиться. Еще есть дорогой ценной доставшийся ему липовый паспорт. Еще не все потеряно. Скорее в другой город, пока никто не видел его, никто не знает настоящей фамилии. А если ему не уйти, не затеряться, если его все-таки поймают?

Многое в жизни сходило Семину с рук. Из десятка его кличек самой известной в блатном мире была «Счастливищик». На этот раз звериное, за долгие годы воровской жизни отточенное чутье подсказывало ему, что надежды на спасение нет. Усилием воли он заставил себя не думать о будущем, но и мысли о прошлом не приносили ему облегчения. Прошлые и будущее связаны единой цепью. Каждый поступок, совершенный им в недавнем прошлом, грозил ему смертельной опасностью в ближайшем будущем.

Еще и месяца не прошло, как Семин ушел из тюрьмы, не отсидев и двух лет из назначенных двенадцати. В первом же большом городе по пути он сделал попытку ограбить квартиру. Лишняя кража уже ничего не могла изменить в его судьбе, да он и не собирался менять профессию. Но не было времени подготовиться к делу тщательно и скрупулезно, как он это делал раньше.

В квартире неожиданно для Семина оказался древний старичок. Увидев чужого человека, он стал истошно кричать. Только раз в жизни, много лет назад, решился Семин на убийство. Тогда война и приход немцев спасли его от расплаты. Семин не был новичком и прекрасно понимал, чем грозит теперь убийство или хотя бы покушение на убийство ему, бежавшему из тюрьмы особо опасному рецидивисту. Но и не желал Семин терять с таким трудом добытую свободу из-за какого-то жалкого старика, которому и так-то жить осталось всего ничего. Он так и не узнал тогда, остался ли в живых седенький, сгорбленный человечек, рухнувший на пол от страшного удара стулом в лицо.

А потом снова бегство в товарном вагоне, и ужас при каждом шорохе, и сон как у кошки, с открытыми глазами, в сараях, в лесу, в поле.

В далеком огромном городе вор встретил старого приятеля, с которым отбывал срок еще в довоенные годы. Но недолго длилась радость Николая Семина. Друг давно «завязал», и даже разговаривать с ним на прошлые темы было опасно. И все-таки удача, казалось, нашла Семина в тот момент, когда он меньше всего ее ожидал. Приятель уехал на месяц в командировку, оставив квартиру в его полное распоряжение. Перед отъездом он познакомил Семина со своим племянником Сашкой. От Сашки вор узнал о богатой, одинокой Парадиевой. Моментально возникший план Семин провел с той стремительностью, которая прежде часто обеспечивала ему успех в самых рискованных операциях. Не более трех встреч потребовалось ему для того, чтобы завоевать сердца мальчишек, впервые в жизни столкнувшихся с человеком, который разговаривал с ними не как с сопливыми пацанами, а как со взрослыми. Но надежда на большой куш притушила в старом воре чувство привычной осторожности.

Намекнуть ребятам, с которыми его познакомил Сашка, на допущенную по отношению к нему несправедливость, окружить себя и свою жизнь тайной, распалить в них воображение рассказами о романтике преступности, о дружбе и благородстве воров, о легкой, привольной жизни с женщинами, вином и картами было делом несложным, но в его положении очень опасным. Но Семин пошел на риск, потому что сам был возбужден описанием богатства, которое рассчитывал найти в квартире Парадиевой, и еще потому, что хотел действовать наверняка, без промаха, не так, как в той квартире по дороге из тюрьмы.

У ребят он незаметно выпытал все нужные ему подробности, но вполне довериться решился только одному Сашке. Вдвоем они и обокрали квартиру Парадиевой. Семин быстро открыл нехитрый хозяйский замок, пока Сашка караулил на улице. Но не нашел Семин ни больших денег, ни золота, и его надежда на внезапное обогащение рухнула так же быстро, как и возникла. В бесильной ярости на Парадиеву, на весь чужой и враждебный ему мир, который опять сыграл с ним злую шутку, он выместил свой гнев на стенах и мебели...

Стараясь не порезаться, Семин побрился дрожащей от возбуждения и страха рукой, выгладил пиджак и брюки, подождал, пока за окном стемнеет, на секунду в нерешительности остановился перед вешалкой, затем рывком стянул с колка хозяйский плащ и распахнул входную дверь...

Игорь ничем не выражал удивления. Он шагал рядом со мной по пустынной в этот поздний час улице, засунув руки в карманы спортивной куртки и терпеливо ждал, что я ему скажу.

— Послушай, Игорь, — сказал я наконец. — Ты, конечно, удивлен моим поздним приходом, и я сейчас все

объясню тебе. Я работаю в милиции. Это во-первых, а во-вторых, может произойти огромное несчастье, и только ты сейчас в состоянии предотвратить его.

Впервые я прочел в его глазах что-то похожее на удивление.

— К вам во двор приходил дядя Вася, — сказал я, не давая ему опомниться. — Это бандит и убийца. Он гуляет на свободе, и никто не знает, что он замыслил в настоящий момент, и, значит, жизнь не одного человека в этом городе в опасности. Он должен быть арестован. Нельзя терять ни минуты. Но неизвестно, где он, и ты должен помочь нам разыскать его.

Игорь не сказал ни да, ни нет. Он просто продолжал молчать. Я начал снова:

— Может быть, ты не понял меня, Игорь? Этот человек — убийца, хладнокровный и жестокий. Не знаю, что он говорил вам, — впрочем, наверно, как и все они — о благородстве воров и дружбе уголовников. Так вот: он все врал вам. Да и зовут-то его вовсе не дядя Вася, а Николай Семин. Всю жизнь он прожил подло и нечестно. Люди трудились, а он воровал. Люди, и твой отец тоже, умирали за свою страну, а он грабил их жен и маленьких детей, а когда попадался, умудрялся все сваливать на других. Другие шли за него в тюрьмы, а он отделывался маленькими сроками. Тогда он забывал о дружбе и благородстве воров. Тогда это было ему ни к чему. И теперь он гуляет на свободе. Ты понимаешь меня, Игорь?

Игорь продолжал угрюмо молчать, и я не мог понять, дошли ли до него мои слова.

— Каждая минута дорога, — сказал я уже в отчаянии. — Его все равно арестуют. Никуда ему не уйти. Но это надо сделать сегодня, понимаешь? Обязательно сегодня.

Вдруг Игорь подался вперед и судорожно схватил меня за руку.

— Дядя Вася идет, — прошептал он побледневшими губами.

Еще ничего не понимая, я посмотрел вперед. Навстречу нам шел Николай Семин. Никогда раньше я не видел его, но узнал бы этого бандита из тысячи. Высокий, широкоплечий, мускулистый, несмотря на годы, без единого грамма лишнего жира, он был заметным мужчиной. Но больше всего бросалась в глаза его цыганская смуглота лица. Он шел чуть раскачиваясь при ходьбе. В правой руке у него был небольшой чемоданчик, через левую — перекинут плащ. Семин только что завернул на улицу из переулка и уже не мог уклониться от встречи с нами. Улица была безлюдна, и мне нельзя было рассчитывать на чью-либо помощь, но я не имел права упустить шанс. Семин узнал Игоря и, поравнявшись с нами, чуть-чуть, как бы беря Игоря в свою компанию и призывая его к молчанию, прищурил глаз. Кроме этого, он ничем не выдал себя, не ускорил шага, не отвернул лица. Я подождал одну секунду, чтобы, пройдя мимо нас, он оказался спиной ко мне.

— Гражданин, разрешите ваши документы.

Я был в штатском, но Семин не стал терять время на бесполезные вопросы, не стал выяснять, по какому праву я требую у него документы. Он понял все, и решение его было молниеносным. Отбросив в сторону чемодан, он развернулся как пружина, вложив всю тяжесть своего тела в удар правой. В последнюю секунду я успел увернуться. Потеряв равновесие, он покачнулся, и я обхватил его сзади за плечи. Но он был явно сильнее, и мне не удалось удержать его. Повернувшись в моих руках, он ударил меня согнутым коленом в живот, и мы оба упали на мостовую. Уже лежа, он сумел вытащить из кармана нож...

Очнулся я в больнице. Узнав в стоящем передо мной в белом халате Петра Ивановича Кунгурцева, я сделал попытку приподняться в кровати. Но он тихонько надавил мне на плечи.

— Лежи уж, герой, — сказал он, и я не мог понять, хвалит он меня или ругает. — Твое счастье, что нож скользнул по ребрам, а то бы нам так и не удалось сделать из тебя классного оперативника.

— А Семин ушел? — спросил я.

— Ушел бы, если бы не Игорь. Он не успел помешать ему ранить тебя, но почти одновременно так двинул ему в висок, что Семин, казалось, никогда уже не очнется. Так что ты теперь должник парня, да и мы все тоже. А кстати, он сейчас здесь, в приемном покое, вместе с Павлом и с этим, как его, Хрящом. Нет, нет, — быстро сказал Кунгурцев, — Сюда я их не пущу. Подождем пару дней, куда они от тебя не убегут.

В этом я был уверен. Этих ребят я не отдам улице. Отличные парни. И разве они были виноваты в том, что никто не занимался ими ни дома, ни в школе, ни на работе? Предоставленные самим себе, они играли в карты, пили и чуть не докатились до преступления. Еще немного, и было бы уже поздно.

— Сашка уже преступник, — сказал вдруг Петр Иванович, как будто прочитав мои мысли. — Нам надо было вмешаться раньше. Будем надеяться, что суд найдет еще возможность сделать из него человека.

Уже в дверях Кунгурцев обернулся.

— Да, совсем забыл, — сказал он улыбаясь. — У меня есть к тебе еще одно поручение. Девушка из десятой квартиры, с которой тебе никак не удавалось встретиться, шлет тебе привет и просит больше не опаздывать на свидания.

ДЕЛО ПЕРЕДАЕТСЯ В СУД

У районного прокурора Тихонова было плохое настроение. Он только что вернулся с совещания, на котором ему пришлось выслушать немало обидных слов от прокурора города — Званцева. В глубине души Тихонов понимал, что упреки Званцева справедливы, но легче ему от этого не становилось.

— Освобожденных судами из-под стражи в районе, где прокурорствует наш уважаемый Алексей Николаевич Тихонов, за последние несколько месяцев было больше, чем за предыдущие два года, — сказал

Званцев. А это означало, что Тихонов дает неправильные, незаконные санкции на арест, и кое-кого из арестованных суд потом освобождает за недостатком улик.

Более серьезного обвинения прокурору предъявить невозможно. Это прекрасно понимали все присутствовавшие на совещании, и в первую очередь — сам Тихонов. Районному прокурору оставалось всего два года до пенсии, и хотелось пройти их если не с почетом, то хотя бы без серьезных служебных нарушений. Но с каждым днем это становилось для него все более и более трудной задачей.

Тихонов никогда не отличался большой смелостью. Правда, выступая перед своими сотрудниками, он поощрял инициативу, ратовал за бескомпромиссность, хвалил энергичных молодых людей. Но лично для себя Тихонов считал, что мать мудрости — все-таки осторожность. Именно за эту чрезмерную осторожность он год тому назад и получил выговор, но, сделав неправильные выводы, бросился в другую крайность: стал давать санкции на арест без достаточных оснований. После сегодняшнего «разноса», учиненного ему Званцевым, Тихонов почувствовал себя окончательно выбитым из колеи. Сидя в своем кабинете, он с ужасом думал, что не рискнет теперь подписать постановление на арест даже, казалось бы, бесспорному преступнику.

После совещания у Тихонова на нервной почве разыгралась застарелая, мучившая его уже лет двадцать язва. Это тоже отнюдь не способствовало улучшению и без того отвратительного настроения районного прокурора. В довершение всего старшая дочка сообщила ему по телефону, что внук Вася получил очередную двойку в школе и что именно ему — Тихонову — необходимо пойти сегодня вечером на родительское собрание. Эта последняя новость так разозлила прокурора, что, не дослушав дочь, он с силой бросил трубку на рычаг, больно ударив-

шись при этом локтем о край стола. Не прошло, однако, и полминуты, как телефон зазвонил снова. Потирая ушибленное место, Тихонов крикнул в трубку:

— Ну что тебе еще?

Но вместо голоса дочки неожиданно услышал:

— Алексей Николаевич, здравствуй еще раз. Званцев. К тебе приходили из милиции за санкцией на арест Рязанцева?

В трубке что-то шуршало, и голос прокурора города был едва слышен.

— Кого, кого? Рязанцева? Нет, еще не приходили.

— Значит, скоро придут. Ты посмотри внимательно, что он там натворил, и не торопись подписывать. И вообще тебе не мешало бы разобраться, что делает милиция в твоём районе. Пока что они занялись парнем, у которого контузия еще с войны и родители были в свое время репрессированы. К нему нужно отнестись чутко. Тут нельзя рубить с плеча.

Тихонов поспешно ответил, что к вопросу о санкциях он вообще подходит очень внимательно и осторожно, обязательно с учетом личности обвиняемого, а вот в милиции действительно частенько бывают ошибки, на что он им неоднократно указывал, и что вообще освобождение из-под стражи лиц, о которых сегодня шла речь на совещании, — это ошибка суда и что по этому поводу он уже пишет протест. Еще Тихонов хотел сказать, что он, конечно, не безгрешен, что у всех людей могут быть ошибки и что он безусловно учтет критику, но не успел, — в трубке послышались короткие гудки.

После разговора с прокурором города Тихонов почувствовал себя значительно увереннее. Пропала даже сосущая боль в правой части живота, которая не давала ему покоя последнее время. Хотя Званцев назвал ему только одну фамилию, Тихонов склонен был видеть в этом

звонке общую установку, а в ней он сейчас нуждался больше всего. Почему бы в конце концов прокурору города по-дружески не предупредить его? Ведь они со Званцевым остались единственными стариками в прокуратуре и знали друг друга — шутка ли сказать! — почти тридцать лет.

С трудом подавив желание немедленно позвонить в милицию и узнать, что это за человек, за которого просят сам Званцев, Тихонов пошел обедать. Когда он вернулся, его уже ждал лейтенант из районного отдела милиции. Нетрудно было догадаться, что пришел он по делу Рязанцева. Сдерживая нетерпение, Тихонов погрузился в изучение материалов...

...За несколько дней до описываемых событий в аптеку на Бородинском проспекте зашел высокий мужчина и, подойдя к продавщице, предъявил ей два рецепта на препарат омнопон. Оба рецепта были выписаны на Рязанцева и скреплены круглой печатью больницы текстильщиков. Продавщица, скользнув взглядом по костюму Рязанцева, с чисто женской наблюдательностью отметила отсутствие верхней пуговицы на его рубашке, из-под которой торчал уголок нижнего белья. Не ускользнул от ее внимания и лихорадочный блеск в глазах покупателя, и его дрожащие руки. Короче говоря, мужчина не вызвал доверия у продавщицы, и, не возвращая ему рецептов, она сказала:

— К сожалению, гражданин, без разрешения заведующего аптекой я не могу дать вам то, что вы просите, тем более по двум рецептам.

— Я же получал у вас омнопон всего три дня назад, — не подумав сказал мужчина.

Но эти слова только усилили подозрение продавщицы. — Дайте мне ваши документы, и я пойду посоветуюсь с заведующим, — решительно заявила она.

Мужчина рассердился:

— Мне некогда тут с вами рассусоливать. Отдавайте мои рецепты. — Он протянул руку в окошечко, но продавщица успела схватить рецепты.

— Не хулиганьте! — пронзительно закричала она.

На ее крик к Рязанцеву подошли два дружинника с красными повязками на рукавах, случайно зашедшие в аптеку погреться. Продавщица высказала им свои подозрения насчет того, что предъявленные ей рецепты подделаны, и дружинники доставили Рязанцева в ближайшее отделение милиции.

Дежурный, совсем еще молодой лейтенант, не очень хорошо понимал, зачем привели в милицию этого на первый взгляд вполне приличного мужчину, не пьяницу и не хулигана. Он записал паспортные данные Рязанцева, его адрес, место работы, потом, немного подумав, спросил:

— Так зачем же вам понадобился этот, как его, — он заглянул в рецепт, — омнопон?

— Я давно уже страдаю почечными коликами, — спокойно ответил Рязанцев. — Только этим и лечусь.

— В больнице текстильщиков?

— Да.

— Хорошо, — сказал дежурный, — идите домой. Если будет нужно, мы вас вызовем.

Когда Рязанцев ушел, дежурный подумал, что, пожалуй, он рано отпустил его, и позвонил в больницу текстильщиков. Ему ответили, что никакого Рязанцева они не знают, зато считают своим долгом сообщить, что несколько дней назад в больнице была украдена целая пачка рецептов с круглой печатью, а заодно прихвачены у старшей сестры и деньги, правда, немного.

Тогда на следующий день Рязанцеву были посланы две повестки, одна за другой, но он на них никак не отреагировал. Теперь лейтенант просил прокурора подписать постановление на обыск в его квартире.

— Я вас не понимаю, — сказал Тихонов. — Сначала вы отпускаете его, ничего не узнав и не проверив. Теперь вы хотите произвести обыск в квартире человека, вина которого, в сущности, не доказана. Я уж не говорю о том, что он ветеран войны, контуженный. Нет, нет, сначала разузнайте все как следует, а потом уже придете ко мне за постановлением.

Лейтенант был очень удивлен тем, что прокурору известны такие подробности про Рязанцева, но не подал вида. Спорить с Тихоновым он тоже не стал, потому что по его тону понял, что это абсолютно бесполезно. По-военному отдав честь, лейтенант повернулся и ушел, не очень вежливо хлопнув массивной дверью прокурорского кабинета...

В трамвае меня зажали так плотно, что я уже начал бояться, как бы мне не проехать свою остановку. Дорога была длинная, и у меня было более чем достаточно времени ругать на чем свет стоит Кунгурцева, не давшего мне машину.

В больнице имени Пирогова произошла какая-то большая неприятность, как заявила только что по телефону, задыхаясь от волнения, главный врач больницы Нина Ивановна Семунина, давняя приятельница Кунгурцева. Именно этим последним обстоятельством, а вовсе не чрезвычайностью происшествия, объяснялся, как мне казалось, мой срочный выезд на место происшествия.

Старинное, в классическом стиле, с колоннами и леп-

ными украшениями на карнизе, здание больницы имени Пирогова я нашел не без труда. В проходной мне уже был выписан пропуск и ждала провожатая, без помощи которой я не скоро добрался бы через бесконечные, все время пересекающиеся коридоры до кабинета главного врача. Им оказалась очень симпатичная, сравнительно еще молодая женщина. Увидев меня, она не смогла сдерживать слез, и моя злость на нее, а заодно и на моего начальника Кунгурцева сразу же улетучилась.

— Пойдемте со мной, — сказала мне Нина Ивановна, ничего не объясняя. — У нас произошло ужасное несчастье. Какой позор, какой стыд!

Мы шли по длинным коридорам больницы, и встречавшиеся нам по дороге сестры, санитарки и врачи, очевидно уже прослышавшие о моем приезде, останавливались и смотрели нам вслед. Трижды завернув вправо и поднявшись на два марша по лестнице, мы вошли в небольшую палату на две койки.

— Для послеоперационных, — шепнула мне Нина Ивановна, — оба безнадежны. Им сделали операции, но, к несчастью, спасти их уже невозможно: они обратились к нам слишком поздно. Сами понимаете, сильнейший мета-стаз.

Я подавленно молчал. Раковые больные всегда вызывали во мне ужас. Но я никак не мог понять, какое все это может иметь отношение к милиции.

Главный врач заметила мое недоумение.

— Вот здесь-то все и произошло, — сокрушенно сказала она. — Я привела вас сюда, чтобы познакомить вас с той женщиной, сидящей у окна.

По ее знаку от кровати неподвижно лежащего больного отделилась маленькая сгорбленная старушка. От бессонных ночей и непрерывных слез она выглядела не-
намного лучше своего умирающего мужа.

— Это товарищ из милиции, — представила меня старушке Нина Ивановна.

Мы втроем вышли в коридор, и только здесь я узнал наконец, что же все-таки произошло в больнице.

...Вчера утром Нину Ивановну вызвали на совещание в Горздравотдел. Не прошло и получаса после ее отъезда, как старшей сестре, обычно заменявшей главного врача по административным вопросам, позвонили из бюро пропусков.

— Вы вызывали на сегодня консультанта? — спросила ее дежурная по бюро.

Старшая сестра поспешила в проходную. Навстречу ей поднялся, опираясь на палку, высокий, широкоплечий мужчина.

— Моя фамилия Викторov, — представился он и первый протянул огромную руку. — Кандидат медицинских наук, доцент Института усовершенствования врачей. Почему же вы не приготовили мне пропуск?

— Мне никто ничего не говорил, — нерешительно сказала старшая сестра, не вполне уверенная в том, что в сутолоке рабочего дня она просто не забыла об этом. — Да и сейчас нет главного врача.

Она хотела спросить Викторова о цели его прихода, но постеснялась. Ее немного сковывали звание и внушительная внешность гостя.

— А у меня очень мало времени, — начиная сердиться, сказал мужчина. — Вы же сами просили меня посмотреть раковых послеоперационных больных с метастазом. То есть не вы лично, а ваш главврач.

— Ну что ж, — засуетилась старшая сестра. — Это, конечно, можно. То есть, нужно даже.

«В конце концов, — думала она, еле поспевая за раз-

машисто шагавшим, несмотря на хромоту, доцентом, — кто бы его ни вызвал, вреда это не принесет, хотя и пользы тоже, к сожалению». Старшая сестра давно работала в онкологическом отделении и хорошо знала, что больным с таким метастазом не может помочь не только кандидат медицинских наук, но даже и сам господь бог. По дороге они зашли в ординаторскую, и сестра подала Викторovu сверкающий белизной, отутюженный халат.

В палате, где лежали прооперированные больные, их уже ждал лечащий врач. Особенно беспокоить людей после операции не рекомендуется, и доцент, посмотрев, как сделаны перевязки, углубился в изучение историй болезни.

— Ничего, в сущности, не сделали. Разрезали и зашили, — сказал он, обращаясь к лечащему врачу.

Тот в ответ только развел руками.

Доцент сделал записи в историях болезни, пообещал через пару дней прийти еще раз для окончательного заключения и попросил старшую сестру познакомить его с родственниками больных, которые ждали в коридоре результатов осмотра.

Викторov беседовал с ними по очереди. Сначала он расспросил их, где и кем работают, где живут, большие ли у них семьи, потом сказал, что положение больных тяжелое, даже угрожающее, но отнюдь не безнадежное.

— Правда, единственная возможность спасти их, — сказал Викторov после небольшого раздумья, — достать новейшее лекарство. А это очень и очень сложно. Фирма, производящая это лекарство, находится в Западной Германии.

Затем Викторov предложил родственникам больных немедленно ехать домой, а через пару часов встретиться с ним, и тогда он скажет точно, сможет ли помочь им.

Сначала Виктор встретился с согнувшейся от горя старушкой, с которой меня познакомила главный врач больницы. Он сообщил ей, что ему все же удалось договориться о дефицитном лекарстве, которое есть в единственной аптеке в городе. К счастью, провизор этой аптеки оказался его хорошим знакомым. Затем Виктор выписал рецепт на бланке с круглой печатью, взял у женщины сто пятьдесят рублей (сто — провизору, пятьдесят — себе за услугу; об этом он предупредил старушку еще в больнице), назвал адрес аптеки, фамилию провизора и ушел, пожелав теперь уже скорого выздоровления мужу. Женщина, не чувствуя под собой ног от счастья, помчалась в аптеку и предъявила рецепт.

— Кто вам выписал эту чушь латинскими буквами? — удивленно спросил ее продавец.

— Почему чушь? — пролепетала женщина, еще не понимая, что ее нагло обманули.

— Позовите мне провизора. — Она назвала фамилию, которую сообщил ей Виктор.

В аптеке такого провизора не оказалось.

Примерно то же самое произошло с женой второго больного. Но она была одета получше, и зарплата ее была повыше. Очевидно, поэтому за рецепт «чудодейственного западногерманского лекарства» ей пришлось уплатить не сто пятьдесят, а двести рублей.

— Я бы таких расстреливала, — сказала мне главный врач, когда мы снова остались одни.

По выражению ее лица я понял, что она говорит это совершенно серьезно.

— Надеюсь, вы понимаете: я ненавижу его не за то, что вся эта история произошла в нашей больнице. Не мебелью и не нейлоновыми рубашками спекулирует этот мерзавец, — он решил делать бизнес на любви людей к

своим близким, на отчаянии. Вы видели эту старушку — большое счастье, что она после всего этого еще держится на ногах.

Нина Ивановна помогла мне встретиться и переговорить со всеми, кто хотя бы мельком видел мнимого доцента. Всем бросились в глаза его хромота и тяжелая суковатая палка с набалдашником из слоновой кости. Некоторые обратили внимание на то, что одна нога «доцента» была обута в ортопедический ботинок. Больше никто ничего особенного не заметил. Правда, старшая сестра вспомнила, что у сравнительно молодого еще ученого консультанта сильно дрожали руки.

Возвратившись в районный отдел милиции, я узнал от Кунгурцева, что липовые рецепты были вручены и родственникам прооперированных раковых больных в больнице консервного завода. Я немедленно отправился туда. Ничего особенного по сравнению с первым случаем мне узнать не удалось. Как видно, жулик не слишком обременял себя поисками новых форм мошенничества. Ньюансы выражались, пожалуй, только в цифрах. На этот раз за рецепты было уплачено соответственно сто пятьдесят и сто двадцать рублей — все, что сумели собрать за два часа родственники больных.

В больнице консервного завода мнимый доцент без труда убедил главного врача в том, что он согласился проконсультировать больных по просьбе заведующего райздравотделом.

В конце рабочего дня мы с Кунгурцевым были вызваны к начальнику угрозыска города. Там мы встретились с нашими коллегами из других районов. Оказалось, что уже во многих больницах города успел за два дня побывать человек, выдававший себя за доцента Викторова из Института усовершенствования врачей. Начальник угрозыска города, обратив наше внимание на удиви-

тельную наглость и социальную опасность преступника, осмелившегося наживать на несчастье людей, предложил нам объединить наши усилия, пообещав со своей стороны всемерную помощь и полную информацию.

Когда мы уже собирались уходить, в кабинет вошел запоздавший заместитель начальника соседнего с нами райотдела, который сообщил начальнику угрозыска города о случае в аптеке.

— Ну и что вы предприняли по этому поводу? — спросил начальник угрозыска, не слишком дружелюбно отозвавшись о действиях дежурного, отпустившего Рязанцева.

— Когда Рязанцев не явился по повестке, мы решили произвести у него обыск, но наш районный прокурор Тихонов не дал на это своего согласия.

— И пожалуй, он со своей стороны был прав, — задумчиво сказал начальник угрозыска, не подозревая о всех мотивах, которыми при этом руководствовался Тихонов. — Ведь у вас не было достаточных оснований для обыска Рязанцева. Но сейчас обстоятельства складываются так, что задержать его необходимо. За санкцией обратитесь непосредственно к прокурору города.

Когда через полчаса в районный отдел милиции привели задержанного Рязанцева, выяснилось, что к попытке получения лекарства по подложному рецепту он не имеет никакого отношения. Задержанный — маленький, лысоватый человек — так разительно отличался от высокого, широкоплечего афериста, присвоившего себе его фамилию, что спутать их было невозможно.

— Я единственный Рязанцев, — гордо сказал он, — проживающий по этому адресу вот уже двадцать лет.

Когда Рязанцева попросили предъявить паспорт, он признался, что потерял этот документ еще на прошлой неделе неизвестно где, но еще надеется найти его дома и

поэтому до сих пор не заявил о пропаже в милицию. Когда же Рязанцеву сообщили приметы разыскиваемого преступника, он вдруг разразился проклятиями:

— Черт побери, это же мой жилец. Так вот куда делся мой паспорт! Ах негодай, негодай!

С трудом успокоившись, Рязанцев рассказал, что два года назад он познакомился на вокзале с человеком, который назвал себя Сергеем Мешковым. Пожаловавшись Рязанцеву на то, что ему не удалось устроиться в гостинице, Мешков попросил разрешения переночевать у него две ночи, разумеется за плату.

— Два года я о нем ничего не слышал, — продолжал рассказывать Рязанцев. — А неделю назад он снова появился и опять попросил меня пустить его к себе. Мне это было даже очень кстати. Я как раз собирался на недельку к дочке в деревню, и можно было на него оставить квартиру. Когда я вернулся из деревни, он уже съехал. Ах подлец, ах негодай!

На основании рассказа истинного Рязанцева начальник районного отдела милиции немедленно сообщил Тихонову, что его протеже, по всей видимости, профессиональный и очень опасный преступник. Тихонов тотчас же позвонил Званцеву.

— Ну что ты звонишь мне по пустякам! — взорвался прокурор города. — Неужели ты не в состоянии решить вопрос о каком-то Рязанцеве самостоятельно?

— Но ты же сам мне сказал, чтобы я не давал санкции на его арест.

После небольшой паузы, во время которой Тихонов отчетливо слышал стук своего сердца, Званцев сказал:

— Если ты устал, возьми отпуск и отдохни. Я же еще пока не сумасшедший и эту фамилию слышу первый раз...

Оперативное совещание группы в отделе проводил Кунгурцев. Первым попросил слова я.

— Итак, — сказал я, — вместо одного преступника нам предстоит искать сразу двоих. Хотя мнимый Рязанцев находится вроде бы в компетенции соседнего с нами районного отдела, но, как выяснилось, на совещании у начальника угрозыска города, между ним и Викторовым существует самая прямая, непосредственная связь. Дело в том, что рецепты, предъявленные мнимым Рязанцевым в аптеке, и рецепты, которые Викторов щедро раздавал родственникам умирающих больных, выписаны одной рукой на бланках, украденных в больнице текстильщиков.

— Трудно сейчас решить, какая связь между ними, — сказал мой приятель, оперативный уполномоченный угрозыска Миша Петелин. — Может быть, Викторов, так нагло проникающий в больницы, украл в одной из них бланки рецептов, заполнил их и передал своему сообщнику, а может быть, и просто продал первому подвернувшемуся покупателю. В этом случае они и не обязательно должны быть сообщниками.

— Искать, конечно, надо обоих, — сказал старший группы капитан Кузнецов. — Но я считаю, что сосредоточить наши усилия надо главным образом на Викторове. И хотя, конечно, эта фигура покрупнее той, что выдает себя за Рязанцева, и поймать Викторова будет сложнее, но не забывайте, что о нем нам больше известно — и его запоминающаяся внешность, и хромота, и суковатая палка, и методы «работы».

— Рано или поздно он опять придет в какую-нибудь больницу, — сказал я.

— И наша первая задача оповестить о нем все больницы города, а может быть, даже организовать там дежурства наших сотрудников... — поддержал мою мысль Миша Петелин.

Когда мы все высказались, слово взял Кунгурцев:

— В том, что между так называемым Рязанцевым и так называемым Викторовым есть какая-то связь, сомнений быть не может. Но эта связь лежит на поверхности, а вглубь вы почему-то не заглядываете. Затеянная вами дискуссия о том, кто более опасный и опытный преступник — Викторов или так называемый Рязанцев, на первый взгляд никакого значения не имеет. Но это только на первый взгляд. И вот почему. Безусловно, это большая наглость — представиться ученым консультантом, сделать записи в историях болезни, осмелиться разговаривать с лечащим врачом на профессиональные темы. Но разве менее нагл другой преступник, присвоивший себе чужой паспорт, переклеивший в нем фотографию и предъявивший его потом в милицию. Он рисковал немедленным разоблачением. Ведь не мог же Рязанцев знать, что ему попадется разиня дежурный. Но он все-таки выдал себя за другого, потому что хотел любой ценой выиграть время, потому что не один раз попадал в подобные ситуации и привык не теряться ни при каких обстоятельствах. Но этого еще мало. Уйдя из милиции, он понимает, что рано или поздно до него докопаются. Скорее рано, чем поздно. Возможно,стати, что под этой фамилией он совершил что-то, чем мы еще не знаем. В том, что милиция не бездействует, его убеждают две полученные им повестки. Тогда он решается на отчаянный шаг, наглость которого вообще не идет ни с чем в сравнение, — звонит районному прокурору и выдает себя за прокурора города.

— Простите, Петр Иванович, — рискнул я перебить его, — но зачем же ему было звонить Тихонову и просить за Рязанцева, то есть за другого человека?

— Да потому, что таким образом, ничем, в сущности, не рискуя, он выиграл два дня. Если бы не звонок, его стали бы разыскивать на два дня раньше. Для такого

преступника это не так уж мало, как может показаться. Итак, для обоих преступников характерны наглость и решительность, добавьте к этому рецепты, выписанные одной рукой, и...

— Ну, а мотивы, мотивы уж у них безусловно разные, — перебил его капитан Кузнецов.

— Поговорим о мотивах, — охотно согласился Петр Иванович. — Омнопон, который Рязанцев пытался получить в аптеке по подложному рецепту, — сильнейший наркотик. Но и Виктор в одной из больниц почувствовал себя вдруг плохо и попросил срочно сделать ему укол омнопона, якобы от болей в области почек. Кроме того, если вы помните, старшая сестра больницы имени Пирогова заметила, что у него сильно дрожат руки. Значит, в один день в одном городе, даже в одном районе, орудуют два наркомана. Не слишком ли много, товарищи оперативные работники? Слава богу, мы живем не в США и не в Турции, и я бы на вашем месте обратил внимание на такую удивительную эпидемию наркомании.

Мы молчали, хотя уже начинали догадываться, что имел в виду Кунгурцев.

— Итак, — продолжал Петр Иванович, — Рязанцев, высокий, широкоплечий мужчина, лет тридцати — тридцати пяти, украв чужой паспорт, делает попытку добыть наркотики в аптеке, но терпит неудачу. А спустя некоторое время другой мужчина, тоже высокий, широкоплечий, лет тридцати — тридцати пяти, появляется в больнице.

— Но хромой, — сказал я.

— Подумаешь, как трудно напаялить на себя ортопедический ботинок и полчаса поволочить ногу, — возразил Кунгурцев. — Кстати, старшая сестра сказала, что больная нога не слишком мешала Виктору передвигаться. А уж она-то в таких вещах разбирается. Это дешевый

трюк, и давно известный. С самого начала мне показалось подозрительным, что такой махровый жулик имеет столь запоминающуюся внешность, такое количество, прямо скажем, выдающихся примет. Да его бы давным-давно уже заметили и арестовали, если бы он на самом деле был хромым. Хромота его и палка с набалдашником как будто специально подсовывались всем, с кем он имел дело, чтобы запутать след, исказить показания свидетелей.

— Значит, вы думаете, что Виктор и Рязанцев — одно лицо? — спросил капитан Кузнецов.

— Я уверен в этом, — сказал Кунгурцев.

Уже через час после совещания консультант-профессор медицинского института проанализировал по нашей просьбе рецепты, выписанные Рязанцевым-Викторовым, и записи, сделанные им в историях болезни, побеседовал с врачами и сказал, что интересующий нас субъект безусловно не чужд медицине.

— Однако, — отметил профессор, — некоторые типичные ошибки и неточности, допущенные Рязанцевым-Викторовым, не дают нам права преувеличивать его медицинские познания, которые, с моей точки зрения, находятся примерно на уровне второго-третьего курса института.

— А может быть, он сам долго лежал в больнице? — предположил капитан Кузнецов.

Но профессор решительно отверг эту версию:

— Попадаются, конечно, дотошные больные, которые могут часами разговаривать о своих болезнях. Но писать по-латыни — это уж слишком.

При помощи Кунгурцева мы разработали четкую версию, по которой Рязанцев-Виктор действительно учился в медицинском вузе, скорее всего в нашем городе, так как он подозрительно хорошо знал наши городские боль-

ницы, и что он был исключен или сам ушел из института после второго или третьего курса. Мнения всех свидетелей сходились на том, что ему сейчас около тридцати — тридцати пяти лет. Значит, искать интересующего нас человека нам предстояло среди студентов-медиков, обучавшихся в одном из двух медицинских вузов города в начале пятидесятых годов.

В первом институте ничего интересного узнать не удалось. За три-четыре интересующих нас года было отчислено всего пять студентов — трое из них через год вернулись обратно, один окончил другой институт и в настоящее время находился в заграничной командировке, а один после тяжелой болезни умер.

Во втором институте нам повезло больше. Архивариус — толстый, общительный старичок, к которому я обратился за помощью, — с хитрой усмешкой посмотрел на меня и гордо заявил, что даст мне любую справку без всяких архивов.

Он на самом деле обладал памятью электронно-счетной машины: не прошло и минуты, как в моем блокноте появилось восемь фамилий студентов, отчисленных со второго и третьего курсов ровно десять лет назад.

— Может быть, вы даже помните, за что? — спросил я, глядя с восторгом на симпатичного старичка.

— А как же, — ответил он. — Двое по болезни, пятеро перевелись в другие институты, один сел в тюрьму за мошенничество.

Мне захотелось расцеловать чудесного архивариуса, но я сдержал свой порыв, так как не был уверен в том, что это будет ему приятно.

— Ну-ка, ну-ка, расскажите, пожалуйста, мне о мошеннике.

Два раза просить архивариуса не пришлось, и вот что я от него узнал.

Владимир Степанович Греков родился в семье врача-хирурга. После войны семья переехала в Таллин.

Если верно то, что дурные наклонности и характер человека формируются уже в детские годы, то лучшим примером этому мог служить юный Греков. Уже в школе он имел два привода за хулиганство. Тогда же он пришел к выводу, что с кулаком на общество не попрешь, нужно что-то более современное. Первая его крупная махинация с демонстрацией художественных фильмов на дому действительно не попала в поле зрения органов милиции, но спекуляцию с крупной партией жевательной резинки уже должен был, используя все свои связи, покрывать отец. После окончания школы по настоянию отца Владимир Греков уехал в другой город учиться в медицинском институте. Старый хирург надеялся, что перемена обстановки, а главное, наука, которой он посвятил всю свою жизнь, сделают его сына человеком. Владимир Греков на новом месте действительно сумел обратить на себя внимание, но не совсем так, как хотел его отец.

Проучившись в институте всего два года, он во время летних каникул принял участие в крупной афере с поддельными ордерами на обыск, с помощью которых ему со своими друзьями удалось ограбить квартиры трех спекулянтов — работников торговли. Расчет грабителей был точен. Двое из потерпевших настолько погрязли в своих спекуляциях, что не рискнули жаловаться. Третий же, заведующий отделом в мебельном магазине, очевидно считая, что ему нечего бояться, пошел выяснять, за что у него конфисковали имущество. Так Владимир Греков первый раз попал в тюрьму.

Все это мне рассказал старичок архивариус.

Дальнейшую же судьбу Грекова я выяснял уже в архивах городского суда. Второй раз Греков был арестован за махинации с театральными билетами.

В колонии Греков сдружился со старым, матерым уголовником. После освобождения из заключения они встретились, и старый уголовник приучил Грекова к наркотикам. И от этого далеко не безоблачная жизнь Грекова стала теперь для него сущим адом. Каждый день, каждый час он должен был думать об одном — как бы добыть очередную порцию наркотиков. Жить без них он уже не мог.

После того как мы выяснили настоящую фамилию Рязанцева-Викторова, нам осталась, как говаривал наш университетский преподаватель уголовного права, «сущая безделица» — найти Владимира Грекова среди двухсот двадцати миллионов жителей страны.

Последняя из известных нам жертв Грекова — дочь старого токаря (болезнь его была так запущена, что врачи даже отказались делать операцию) — рассказала нам, что встретила с Грековым около семи часов вечера в районе вокзала и что преступник, очевидно, спешил куда-то, так как все время поглядывал на часы.

Среди многих разработанных нами версий особенного внимания заслуживала одна: так как после посещения Грековым больницы консервного завода прошло уже несколько дней, а о нем ничего больше не было слышно, значит, Греков покинул наш город. Сразу же после встречи с дочерью токаря, которую Греков, спеша, вызвал к вокзалу, он уехал на поезде, и скорее всего — в Прибалтику, то есть в места, хорошо ему знакомые. Куда же он мог направиться? Небольшие населенные пункты не должны были привлечь внимание преступника — он казался нам слишком для этого приметным и слишком велики были масштабы его деятельности. Вероятно, он решил затеряться в каком-то большом городе, например в Таллине; можно было предположить, что под своей настоящей фамилией и с собственным паспортом Греков не побоится вернуться домой.

Установленное за домом Грекова в Таллине и за перепиской его семьи наблюдение, однако, ни к чему не привело. Преступник оказался слишком осторожным. Да и не очень многое связывало его с семьей, которая уже перестала надеяться на то, что он станет когда-нибудь честным человеком. Тогда возникло другое предположение: Греков мог поехать еще в два крупных города Прибалтики — Ригу и Вильнюс. На них-то мы и решили сосредоточить свое внимание. Однако новое известие, которое нам сообщил Кунгурцев, разрушило наши планы.

— Я вас собрал сегодня, друзья мои, — торжественно сказал Кунгурцев, — чтобы честно признаться в своей ошибке.

Мы затаили дыхание. Ошибки Кунгурцев совершал не часто.

— Дело в том, — продолжал Петр Иванович, — что проклятый Греков опять раздвоился, и кто Греков, кто Рязанцев, а кто Викторов я уже совсем перестал понимать. Вчера в одном из среднерусских городов, а вовсе не в Прибалтике, в аптеке был взломан сейф и была совершена попытка похитить наркотические средства. Преступника застали на месте преступления. Убегая, он растерял лекарства буквально в двух метрах от аптеки. Задержать вора не удалось, хотя за ним и была организована погоня. Преследовавший его оперативный работник сумел вскочить за взломщиком сейфа в отходящий от вокзала пригородный поезд, но преступник успел выскочить из него, пока поезд набирал скорость. Оперативнику же не удалось это сделать из-за проходящего встречного поезда. В результате преследуемому удалось скрыться. Однако работник милиции зафиксировал в своей памяти его внешность так четко, как будто он сделал это с помощью фотоаппарата. Рост, мощные плечи, крупное лицо с близко поставленными глазами — все это отличитель-

ные приметы нашего знакомого Грекова. Возле сейфа сотрудники милиции нашли, как видно выпавший из кармана взломщика, трамвайный билетик нашего города. Поэтому-то местное управление милиции немедленно запросило нас о злоумышленнике. В тот же день некто, опять по приметам похожий на Грекова, был задержан при попытке проникнуть в аптечный склад небольшого городка на Южном Урале. У него был изъят паспорт на имя Рязанцева. В отделении милиции с Рязанцевым случился припадок. Его положили в больницу и приставили к нему милиционера. Но ночью ему удалось бежать через окно туалета.

— Кстати, — сказал я, когда Кунгурцев закончил. — Вы говорили о какой-то вашей ошибке, о каком-то раздвоении Грекова. Почему же он не мог в один и тот же день побывать в двух городах?

— Да потому, что между этими городами расстояние в две тысячи километров.

— Ну, на самолете... — сказал Миша Петелин.

— Я узнавал, — быстро возразил Кунгурцев. — В этот день была ненастная погода, и все самолетные рейсы были отменены.

Сообщение Кунгурцева нанесло тяжелый удар по нашей стройной теории. Теперь получалось, что орудуют все-таки два наглых преступника. Единственным нашим утешением оставалось то, что хоть один из них обязательно должен быть Грековым.

Тем временем наблюдение за домом Грекова в Таллине принесло свои плоды. Его отец отправил письмо, которое привлекло внимание милиции. На конверте было написано: «Вильнюс, до востребования, Грекову Владимиру Степановичу». Однако за письмом никто не явился. На всякий случай были предупреждены все больницы и аптеки города, а милиции сообщены его приметы.

— Вот что, Виктор, — сказал мне Петр Иванович Кунгурцев буквально за три часа до Нового года. — Придется вам отправиться в Вильнюс. Только что нам сообщили, что там задержан человек без документов, отказывающийся назвать свою фамилию. Он жалуется на боли в области почек и требует, чтобы ему немедленно сделали укол омнопона. Сведения о себе он согласен дать только при этом условии. Судя по его внешним данным, это Греков. Наконец-то он в наших руках.

— Один из двух Грековых, — сказал я.

— Нет, второго все-таки не существует, я не успел еще вам рассказать, что разъяснилось загадочное появление двух похожих преступников почти в одно время в разных городах. Оказывается, Греков уговорил начальника аэропорта отправить его на внерейсовом грузовом самолете, сославшись на то, что у него умирает мать, хотя никакого телеграфного подтверждения у него, конечно, не было.

По дороге в Вильнюс я вспоминал подробности задержания Грекова, которые мне рассказал Кунгурцев перед отъездом.

...Рано утром в кабинете главного врача одной из больниц Вильнюса раздался звонок из финансовой части Горздравотдела.

— Через полчаса к вам прибудет с ревизией инспектор Министерства здравоохранения, — сказал басистый мужской голос. — Вышлите ему пропуск и по возможности приведите в порядок отчетность. К сожалению, предупредить вас заранее мы не имели возможности.

А через некоторое время в дверь кабинета главного врача действительно постучался высокий, широкоплечий мужчина в черном костюме, чудом не разлезавшемся на

его могучих плечах. Он представился ревизором министерства, два часа назад приехавшим из Москвы.

Гость из Москвы оказался на редкость любезным человеком. Он не выразил желания ходить по больнице, бегло и, как показалось главному врачу, рассеянно полистал годовой финансовый отчет, штатное расписание и платежные ведомости, а затем, оставшись наедине с главным врачом, тонко намекнул ему, что вообще готов никого не обременять своим присутствием и немедленно покинуть больницу, разумеется за известную мзду. Главный врач был спокойным, даже несколько флегматичным человеком. Он не бросился с кулаками на ревизора за его циничное предложение, а просто сделал вид, что не понял намека. Дела больницы велись образцово, и опасаться можно было разве что за ошибки, допущенные случайно. По существу же никаких нарушений закона быть не могло. В этом главный врач был совершенно уверен.

Поняв, что его предложение не принято, ревизор начал нервничать. Полистав еще минуты две «Ведомость совместителей», он пожаловался на духоту в кабинете и попросил главного врача дать ему воды. Убедившись в том, что уборщица, как обычно, забыла принести ему графин со свежей водой, главный врач пошел за ней. И только в коридоре он вспомнил, что его предупреждали о возможности прихода к нему опасного преступника под видом врача-консультанта. Ревизор вдруг показался ему очень подозрительным, тем более что он даже не проверил документов гостя. Главный врач решил немедленно вернуться в кабинет. Открыв дверь, он с ужасом увидел, что «ревизор» роется в ящике его письменного стола. От неожиданности главный врач закричал. На крик в кабинет бежали санитары и несколько ходячих, уже выздоравливающих больных.

Через десять минут в больницу прибыли вызванные

по телефону главным врачом сотрудники милиции. В кармане мнимого ревизора была обнаружена перекочевавшая туда из ящика стола пачка чистых бланков с круглой печатью.

Наглость преступника не имела границ. В совершенно безнадежном для него положении он на всякий случай продолжал отпираться. Когда я прибыл в Вильнюс, он еще ни в чем не признался.

— Что ж, — сказал я ему, — может быть, вы действительно ни в чем не виноваты, только вам нужно дать ваши объяснения в письменном виде.

Если я еще хоть чуточку в чем-то сомневался, то, взглянув через его плечо на исписанный лист бумаги, я обрел стопроцентную уверенность.

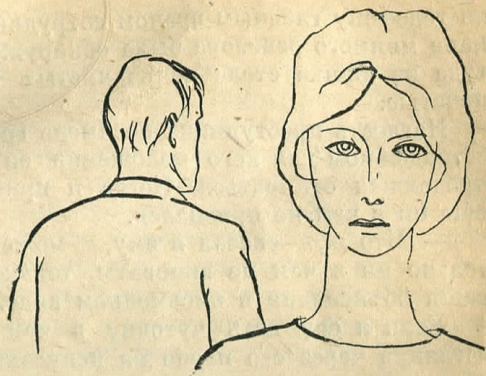
— Больше вам не удастся морочить нам голову, Греков. Ни нам, ни кому бы то ни было другому.

— Хорошо, — сказал Греков устало и безвольно.

Он как-то сразу на глазах сник и осунулся.

— Я все вам скажу. Только сделайте мне скорее укол омнопона.

НОЧНОЕ „ОГРАБЛЕНИЕ“

В этот холодный, дождливый день, который запомнился мне надолго, я пришел на работу в отдел милиции значительно раньше обычного.

И все-таки мне не удалось прийти туда первым. Меня уже ждал утренний посетитель. Впрочем, он ждал не меня. Постояв в нерешительности перед дверью моего кабинета с укрепленной на ней табличкой: «Старший оперативный уполномоченный В. Н. Аксенов», ранний гость с сомнением покачал головой и пошел по коридору, вероятно в поисках таблички с более внушительной надписью. Я не стал препятствовать ему в этом.

Войдя в свой кабинет, я прильнул к горячей батарее, стараясь забрать все ее тепло.

Однако блаженство мое продолжалось недолго. В дверь робко постучали, и одновременно зазвонил стоявший на столике телефон.

Крикнув «войдите!», я снял трубку.

— Доброе утро, — послышался в трубке голос Кунгурцева. — Сейчас к тебе придет один потерпевший товарищ. У меня, к сожалению, нет времени, а ты выслушай его внимательно, постарайся во всем разобраться. Потом расскажешь мне, и мы вместе доложим об этом случае в Управление. А случай как будто не из легких.

Последние слова Кунгурцева я слушал, уже глядя на потерпевшего, боязливо вошедшего в комнату и в нерешительности остановившегося у двери. Это был тот самый ранний посетитель, который несколько минут назад изучал на табличке мою должность и фамилию. На указательном пальце его правой руки болталась снятая им еще в коридоре шляпа, каким-то чудом оставшаяся сухой.

Я предложил ему сесть. Он вежливо поблагодарил меня, церемонно приложив левую руку к сердцу. Не нужно было быть физиономистом, чтобы прочесть на его лице страдание.

По времени прихода посетителя в милицию опытный оперативный работник может догадаться о причине его прихода еще скорее, чем по внешнему виду или поведению гостя. Обычно посетители приходят в милицию утром или вечером. Днем они бывают крайне редко. Вечерние посетители, как правило, — жертвы мошенничеств, уличных нападений, драк, семейных скандалов и квартирных грабежей.

Утренние же посетители сообщают о кражах государственного имущества. Придя утром на работу и обнару-

жив, что стекло разбито или замок сломан, сотрудники обворованного учреждения спешат заявить об этом в милицию. К сожалению, они делают это не всегда. Некоторые весьма ответственные руководители просят своих подчиненных не отвлекаться по пустякам от исполнения основных служебных обязанностей и всю связь с милицией берут на себя. За то время, пока милиция узнает о совершенном преступлении, улики пропадают, следы стираются, и задача поимки вора для прибывающих наконец на место преступления сотрудников уголовного розыска приобретает ярко выраженный «глухой» характер.

Итак, я предположил, что сидящий передо мной высокий, очень худой элегантный мужчина пришел заявить о краже государственного имущества.

Смущало меня, пожалуй, лишь слишком раннее его появление. Однако я не стал ломать над этим голову, тем более что Николай Александрович Кротов, так звали посетителя, уже говорил, а я автоматически регистрировал его слова на лежащем передо мной листе бумаги.

Вопреки всей нашей милицмейской практике, я ошибся. Мой ранний гость пришел заявить не о краже государственного имущества. Дерзкому уличному нападению подвергся он сам.

Уже на третьей минуте его рассказа я понял, что Кунгурцев приобщил меня к типично «глухому» делу.

Симпатичный, интеллигентный человек, ведущий инженер одной из лабораторий крупного завода, поздно вечером стал жертвой наглого уличного ограбления. Растерянно улыбаясь немного жалкой, вымученной улыбкой, он отогнул ворот рубашки. На его шее, почти у самой ключицы, зиял огромный багровый синяк. Кротова не беспокоили отобранные у него преступниками деньги, хотя это произошло в день зарплаты и отнятая у него сумма была более чем значительна.

— Вдвоем с женой, кандидатом медицинских наук, мы очень хорошо зарабатываем, — сказал Николай Александрович. — Нет, не в деньгах дело.

— Может быть, я покажусь вам этаким идеалистом, товарищ капитан, — он неожиданно засмеялся, очевидно прочитав на моем лице, что нечто подобное я действительно подумал о нем, — но мне трудно примириться с самим фактом нападения хоть и не среди бела дня, но и не так уж, в конце концов, поздно, на освещенной улице, в центре города.

Кротов все больше и больше волновался. Он пытался совладать с собой, держать себя в руках, но было видно, что давалось ему это с большим трудом.

Он говорил много и долго, но вновь и вновь я улавливал в его словах, как видно, особенно мучившую его мысль, что он, интеллигентный, культурный человек, был совершенно беспомощен и жалок перед какими-то грубыми, невежественными уличными грабителями.

Ко всему, вероятно, он еще и вел себя не слишком смело, и это тоже угнетало его, хотя, судя по синяку на шее, он все же оказал им какое-то сопротивление.

— Если бы речь шла только о пропаже денег, — сказал он в очередной раз, — я вообще не стал бы утруждать занятых людей. Позвонил бы в милицию, и все.

Я с трудом сдержал улыбку. Слишком уж интеллигентно это было сказано.

— Но к моему великому несчастью, — с горечью продолжал Кротов, — в отнятом у меня бумажнике были еще паспорт, военный билет и служебный пропуск. Вы себе представляете, что меня ждет, если документы не будут найдены? Я уже звонил в стол находок, надеясь на благородство преступников. Увы, надежды юношей питают, а я, как видите...

Он нагнул голову. Седых волос на ней было, пожалуй, побольше, чем черных.

— Правда, времени прошло еще слишком мало. Только на это да еще на вашу помощь и остается мне уповать. За тем и пришел к вам. Вы уж меня извините.

Я быстро устал от его манеры чересчур вежливо разговаривать, но, конечно, не подал вида, тем более что его положение было действительно незавидным. Не такими уж приятными мне представлялись и наши собственные перспективы. Подобные грабежи стали у нас редкостью. В нашем районе, например, за последние несколько лет не произошло и десятка уличных ограблений. А это значило, что в данном случае нельзя было использовать один из основных методов, применяемых в уголовном розыске, — метод аналогии, при котором преступник определяется по характерному для него «почерку». Кроме того, очень скудными были сведения, которые смог сообщить мне пострадавший.

Если отбросить всю ту словесную шелуху, которой Николай Александрович Кротов обильно уснащал свою многосложную речь, то его ограбление произошло следующим образом. На Кротова напали трое. Стандартная фраза — «Нет ли закурить?» Удар кулаком в лицо. Железная хватка за шею. Блестящее лезвие ножа у подбородка. И все это в одиннадцать часов вечера, буквально в ста метрах от ярко освещенного кинотеатра. Когда все уже было кончено и грабители один за другим исчезли в густой липовой аллее районного парка, а Кротов пытался осмыслить, что же с ним все-таки произошло, — из кинотеатра с последнего сеанса хлынула толпа зрителей.

— Обычно я прохожу расстояние от работы до дома минут за двадцать. Но на этот раз мне потребовалось больше времени, — сказал Кротов с горькой усмешкой.

Он плохо запомнил преступников, даже тех двоих, ко-

торых ему как-то удалось разглядеть. Третьего же, схватившего его сзади за шею, он почти не видел.

Я старательно записывал замеченные им детали и, чтобы помочь ему, стал задавать наводящие вопросы, уточняя необходимые для розыска подробности, на которые, как правило, люди не обращают внимания.

На вопросы Кротов отвечал не сразу, надолго задумывался, прежде чем дать ответ, в сомнении качал головой, смотрел в рассеянности по сторонам.

Я не мог не отметить, что он очень точен и аккуратен не только в ответах, но даже в своей одежде: всего восемь-девять часов прошло со времени нападения на него, а Кротов не забыл перед приходом в милицию надеть отутюженный костюм и ослепительно чистую сорочку.

Почти час я выполнял все необходимые формальности, тщательнейшим образом заполнил протокол, выуживая из пострадавшего инженера всё новые и новые подробности, от которых теперь только и зависел успех предстоявшей нам операции.

В конце концов мои бесконечные вопросы начали его утомлять. Он стал меньше улыбаться, морщился, с неприязнью поглядывал на меня и на лежавшую передо мной толстую пачку бумаги, которую, как ему казалось, я собирался всю исписать его показаниями. Резко увеличились паузы между ответами.

Меня не удивляло его поведение. Я уже хорошо знал этот тип людей, в тяжелую минуту обращающихся за помощью к милиции. Ему хотелось, чтобы я, отбросив ручку и кинув протокол в корзину, нахлобучил на себя еще не просохшие пальто и шляпу и бросился искать его обидчиков и исчезнувшие вместе с ними документы.

Впрочем, Кротова можно было понять. После всех пережитых им волнений, унижений, наконец просто физических страданий ему еще предстояло улаживать кучу

неприятностей, связанных с потерей паспорта, военного билета и служебного пропуска.

И все-таки я обязан был соблюдать все необходимые формальности. Таков порядок, и он еще никому не приносил вреда.

После того как был закончен протокол, заявление Кротова осмотрел судебно-медицинский эксперт, которому он, несмотря на усталость, со своей обычной застенчивой улыбкой уже в шестой раз за утро поведал свою печальную историю: перед этим Кротов успел рассказать ее дежурному по угрозыску, Кунгурцеву, мне, кому-то (он даже не знал кому) из утренних посетителей ну и, само собой разумеется, дома. От многократного повторения у него появились эффектные паузы, почти театральные ударения, гладкие, закругленные обороты речи. Когда же приехал заместитель начальника уголовного розыска города, Кротов рассказал ему про свое ограбление в седьмой раз.

— Почему же вы не пришли в милицию вчера ночью, сразу же после нападения? Теперь преступников может уже и не быть в городе, — спросил его заместитель начальника.

— Но я только утром обнаружил потерю документов, — возразил Кротов. — Если бы не это, я вообще бы к вам не пришел.

— И плохо бы сделали, — сердито сказал заместитель начальника. — Ловить преступников — наша общая с вами обязанность.

Итак, нам предстояло решить задачу, знакомую всем работникам уголовного розыска. Суть ее сводилась к несложной формуле — грабеж был, грабителей нет. Но их нужно было найти, невзирая на все трудности дела и почти полное отсутствие сведений о преступниках. Притом сделать это нужно было в самые кратчайшие сроки.

И я приступил к составлению плана поимки грабителей, который на практике часто помогает нам, оперативникам, решать самые сложные, казалось бы даже неразрешимые задачи. По крайней мере, без такого предварительного плана мы в милиции не приступаем ни к какому более или менее серьезному делу. При составлении плана нельзя схалтурить даже в самой мелочи, — это очень быстро потом отражается на результатах. О том же, какое значение придавалось плану поимки преступников, ограбивших инженера Кротова, можно судить по тому, что его должен был лично проверить и утвердить заместитель начальника угрозыска города.

Трудность составления данного конкретного плана заключалась в том, что преступление было одновременно и очень дерзким, и обычным, заурядным. Ограбление произошло в освещенном месте, возле кинотеатра. В то же время был использован стандартный, давно известный арсенал приемов. В этом смысле заявление о грабеже мало чем отличалось от подобного рода заявлений, сделанных до и после случая с Кротовым. Короче говоря, при составлении плана поимки грабителей я обнаружил, что в деле отсутствуют отличительные, только ему присущие особенности, на которые я и мои сотрудники могли бы опереться. И все же была во всем этом одна деталь, над которой следовало призадуматься. Кто-то знал, когда инженер Кротов получает зарплату, и вряд ли это могло быть случайностью.

Согласно разработанному плану, один из оперативников должен был установить, кто и когда грабил подобным образом в нашем районе или другом районе города. Для этого ему предстояло покопаться в своей памяти, побеседовать с другими работниками уголовного розыска, полистать архивы. Другому оперативному работнику отводилось более сложное и трудоемкое дело: опросить всех

сторожей и дворников, а может быть даже и кое-кого из жильцов, того микрорайона, в котором произошло ограбление Кротова. Наконец, группе сотрудников предстояло просто «погулять» в вечерние и ночные часы по улицам, на которых можно было бы случайно встретить преступников. Мне же было поручено получить еще кое-какие сведения у Кротова. Телефона у него не было. Вызывать его в милицию мне не хотелось, — не стоило лишний раз беспокоить и без того травмированного человека. В результате я решил отправиться к нему сам.

Дверь мне открыла жена Кротова, худенькая, милотвидная женщина. Вера Викторовна была намного сдержаннее своего мужа, и все же в ее порывистых движениях, в той излишней суетливости, с которой она взяла у меня пальто и шляпу, в двух-трех отрывистых фразах, которые она произнесла, идя со мной по длинному, заставленному старомодной, обветшалой мебелью коридору, угадывались тревога и беспокойство за душевное состояние мужа.

— Постарайтесь успокоить его, — попросила она меня шепотом, открывая дверь своей комнаты. — Коля так изменился за последнее время. На работе его совсем заездили. Неделями его не видим. Приходит поздно, на всех злится. А тут еще это несчастье. С ума можно сойти.

Даже лицо сына Кротовых, очень красивого мальчика лет четырнадцати-пятнадцати, отражало неблагополучие и неприятности, свалившиеся на семью. Когда я вошел в комнату, он делал уроки, низко согнувшись над заваленным книгами столом. На бледном лице младшего Кротова, больше знакомого с книгами и телевизором, чем со своими сверстниками, не промелькнуло за все время, что я находился в комнате, и тени улыбки.

В полумраке комнаты я не сразу заметил самого Кротова. Он лежал на диване и, хотя это было так непохоже

на него, не сделал даже попытки встать, чтобы поздороваться со мной. Уже успев привыкнуть к его вежливости, я не сумел скрыть удивления. Лишь подойдя поближе, я разглядел, что на голове у него лежит холодный компресс.

— Это у Коли на нервной почве мигрень разыгралась, — извиняющимся тоном сказала Вера Викторовна, с нежностью глядя на мужа.

— Да что ты, Веруша! — запротестовал Кротов слабым голосом, продолжая, однако, лежать на диване. — Пустяки. Стоит ли об этом говорить?

Я извинился за позднее вторжение и попросил разрешения перейти к делу.

От самого Кротова, правда, толку было мало. Он только тихо постанывал и время от времени менял на лбу мокрое полотенце. На мои вопросы в основном отвечала Вера Викторовна. Она подтвердила, что муж ее ушел с работы около половины одиннадцатого, по дороге нигде не заходил и домой вернулся уже без денег и документов примерно в четверть двенадцатого.

— Впрочем, — сказала она, — пропажу документов мы обнаружили только утром.

Но это мне тоже уже было известно со слов самого Николая Александровича.

— И все из-за того, — в сердцах сказала Вера Викторовна, — что ему так много приходится работать и допоздна задерживаться на заводе.

Тон у нее был такой, как будто я тоже нес за это ответственность. Вообще мне было непонятно, как может сломить человека первая же случившаяся с ним беда. А впрочем, беда ли? В конце концов потеря денег и даже документов — не такое уж великое несчастье — неприятность, конечно, какие-то непредвиденные хлопоты, какой-то не очень приятный разговор с начальством. Но не ве-

паться же из-за этого, не ввергать же в траур себя и всю свою семью! И потом, если бы он потерял документы! Но ведь их у него отобрали вооруженные ножом грабители. Его вины здесь не было никакой.

Я уточнил буквально по метрам ежедневный маршрут Кротова от завода до квартиры и, попрощавшись, ушел, предоставив Вере Викторовне возможность в одиночестве причитать над своим чересчур чувствительным супругом.

На следующий день сотрудниками уголовного розыска был задержан подозрительный тип, в нетрезвом виде пристававший на улице к пожилой женщине с требованием денег. Его приметы частично совпадали с приметами одного из преступников, указанного Кротовым.

Инженеру, вызванному для опознания, как обычно, представили для опознания несколько человек.

— Один из них — ваш грабитель, — сказал ему Кунгурцев.

Кротов долго ходил вокруг них со смущенной, вымученной улыбкой на лице. Ему было стыдно перед ними за то, что по его вине их подвергли столь унижительной процедуре.

— Если б не документы! — бормотал он чуть слышно. — Вы уж меня, пожалуйста, простите.

Кротов вообще был чрезвычайно стеснительным человеком. Перед нами ему тоже было неудобно за то, что он так долго не мог определить преступника. От усердия и от волнения на лице его выступил пот.

— Это все темнота и моя проклятая близорукость, — сказал он и безнадежно развел руками. — К сожалению, всех этих людей я вижу впервые.

Отпустив его, я отправился в стол находок.

— Кротов уже обращался к нам, — сказала мне молодая и бойкая дежурная. — Но ничего утешительного я не

скажу ни вам, ни ему. Слишком еще мало прошло времени...

Через несколько дней вечером в заброшенной части пригородного парка были задержаны двое мужчин, которые, угрожая ножом, пытались ограбить идущего с кондитерской фабрики пожилого рабочего. Несмотря на возраст, рабочий сумел вырваться из рук грабителей и со скоростью, неожиданной для его лет, побежал по извилистым дорожкам парка. Все же ему не удалось бы уйти от преступников, если бы его крик не услышал находившийся неподалеку милиционер, немедленно пришедший ему на помощь. Ситуация сразу же резко изменилась. Увидев милиционера, перетрусившие хулиганы повернули назад. Преследователи превратились в преследуемых. С помощью рабочего милиционер догнал и задержал их. А уже через час Кротов пылливо вглядывался в их лица. И снова он не узнал в них «своих» грабителей.

Уходя от нас, Кротов попросил не вызывать его больше в рабочее время.

— Мне и так сейчас на работе несладко, — с горечью сказал он, закрывая за собой дверь.

Нравился или не нравился мне Кротов, я обязан был ему помочь в его делах на работе. Потеря документов — паспорта, пропуска и военного билета — дело нешуточное. Кротов умолял меня официально сообщить дирекции завода о постигшем его несчастье, но я всегда предпочитал личные контакты всяким формальным отпискам и телефонным разговорам. Кроме того, очень важным мне представлялся тот факт, что ограбление произошло в день получки, поэтому мне было просто необходимо самому отправиться на завод, что я незамедлительно и сделал, предварительно посоветовавшись с Кунгурцевым.

О несчастье Кротова в лаборатории знали все. Самого его в этот день в лаборатории не было, так как он уехал

в местную командировку на другой завод. Разговор быстро стал общим, и минут через тридцать я уже представлял себе, что о Кротове думает коллектив. Мнение сотрудников лаборатории о нем было просто отличным. Правда, ничего конкретно-хорошего я о нем не услышал, но стандартно-положительные реплики типа «хороший парень», «отличный инженер», «очень интеллигентный» неслись со всех сторон. Сотрудников лаборатории немного удивили мои расспросы. Им казалось, что, вместо того чтобы ловить преступников, я трачу драгоценное время на выяснение личности пострадавшего.

— Это, конечно, легче, — выразил общее мнение начальник лаборатории, небольшого роста грузин, ворчливый и не улыбающийся.

Потом мы остались вдвоем с начальником лаборатории в его уютном, холодном кабинете, заставленном огромными непонятными мне приборами.

Он рассказал мне, какая дружная, хорошая у Кротова семья и какой сам Николай Александрович великолепный семьянин, без труда согласился со мной, что Кротов слишком слаб и чувствителен к жизненным неприятностям, но счел эти его качества не относящимися к делу, а поэтому недостойными того, чтобы на них останавливаться. Потом начальник лаборатории сообщил мне, что наконец-то кончилась горячка, связанная с выполнением плана, что, как всегда в первой декаде месяца, и ему и его сотрудникам приходится прохладиться. А потом опять нужно будет работать вечерами. И что сам он, честно говоря, в такие дни старается убежать домой пораньше. Я упрекнул его в том, что это право в равной степени должно распространяться не только на него, но и на его сотрудников.

— Если бы Кротов не возвращался домой так поздно, не случилось бы с ним этого несчастья, — сказал я.

Начальник лаборатории недовольно сверкнул глазами из-под угольно-черных, косматых бровей:

— Вы, кажется, ничего не поняли из моих слов. Сейчас первая декада нового месяца, а когда Кротова ограбили, был конец квартала.

— Да, кстати, — сказал он после небольшой паузы, как будто вспомнив что-то, — работы тогда было действительно очень много, но как раз в тот день Кротов мог так поздно и не задерживаться. Он сам вызвался закончить одно исследование и даже закрыть помещение, от чего раньше всегда отказывался.

Все-таки, как видно, начальнику лаборатории был неприятен мой упрек в том, что и он как-то виноват в постигших Кротова неприятностях.

— Ладно. Оставим это, — сказал я. — Мне хочется поговорить с вами. Не кажется ли вам подозрительным совпадение: Кротова ограбили как раз в тот день, когда на заводе была получка.

— Нет, — сказал начальник лаборатории. — На заводе получка на день раньше. У нас же в лаборатории заболела раздатчица, и мы получили зарплату на день позже, чем обычно.

Он хотел еще что-то сказать, но вдруг испуганно замолчал, потому что прочел на моем лице то, о чем в ту же минуту подумал сам: о том, что в лаборатории выдали зарплату в неурочный день, и тем более о том, что Кротов задержался после работы, могли знать только сотрудники лаборатории, начальником которой он был.

Вахтанг Георгиевич, так звали начальника лаборатории, как-то сразу растерялся и сник. Мысль о том, что в этом деле замешан кто-то из сотрудников, ужаснула его. Думая о своем, он стал несвязно и невпопад отвечать на мои вопросы. Толку от него было уже все равно немного, и я распрощался с ним, попросив никому не

говорить о нашем разговоре. Уже уходя с завода, я зашел в караульное помещение. Мне хотелось точно выяснить, когда же все-таки ушел в тот день с завода инженер Кротов, сдавший сюда ключи от лаборатории. В специальном журнале я без труда обнаружил, что Николай Александрович действительно задержался последним в лаборатории и сдал от нее ключи в... 19 часов 35 минут.

Вот это был сюрприз! От завода до площади перед кинотеатром десять минут хода. В двадцать три часа произошло ограбление. По его собственным словам, Кротов в тот день никуда не заходил. Где же, спрашивается, он был три с половиной часа? И почему он намеренно утаил это от нас? На всякий случай я проверил, не вкралась ли ошибка в запись в журнале. В конце концов он мог чисто механически поставить другой час, не подозревая, что это когда-нибудь будет иметь значение. Но дежурившая в тот день охранница, хорошо знавшая Кротова, сказала, что он сдал ключи перед самым обходом начальника охраны, то есть в девятнадцать часов с минутами.

На следующий день утром один из сотрудников уголовного розыска привел в отдел пожилого, плечистого мужчину в очках с тесемочками, завязанными вокруг ушей.

— Познакомьтесь, товарищ капитан, — сказал сотрудник. — Дворник Сергеев Константин Петрович хочет сообщить вам чрезвычайно важную вещь.

— Меня тут всё спрашивали, не видел ли я случайно, как человека на площади ограбили, — начал Сергеев медленно и солидно, очевидно считая, что только так и можно говорить о важных вещах. — Не видел я, товарищ капитан, и скажу вам со всей ответственностью: третьего дня в двадцать три часа вечера на площади перед кино никаких ограблений не было.

— Пойдите, пойдите, — сказал я, пытаюсь бороться с мыслями. — Как это не было? Прежде всего, где вы работаете?

— У дома номер четыре, с колоннами, как раз у входа в липовую аллею.

— А почему вы так уверены, что никого там в это время не ограбили?

— Да потому, товарищ капитан, что это как раз время моего дежурства и я у своих ворот с десяти до двенадцати находился. А с этого места вся площадь как на ладони.

— Ну допустим. Значит, вы утверждаете, что около одиннадцати, за минуту-две до окончания сеанса в кино, на площади никакого ограбления не происходило?

— Никакой сеанс не оканчивался в тот день в одиннадцать, — сказал Сергеев. — На последнем сеансе пустили новую двухсерийную картину, и закончилась она только в половине первого...

— Да, — задумчиво сказал Кунгурцев, когда я доложил ему о разговоре с дворником. — Хорош твой интеллигент. Хочет, чтобы мы ему помогли, а сам все врет нам. Его ограбили где-то между девятнадцатью и двадцатью тремя часами. Это ясно. Но в каком месте? И почему он дал нам ложные показания?

Казалось, проще всего было спросить об этом самого Кротова. Но не зря же и не случайно вводил он нас в заблуждение. Поэтому мы решили с разговором поворемнить.

К концу рабочего дня меня снова вызвал Кунгурцев.

— Взгляни на этот пакетик. Может быть, он заинтересует тебя?

На столе лежал небольшой, завернутый в плотную белую бумагу пакет. Огромными сантиметровыми буквами на нем был написан адрес — районный отдел

милиции. С одной стороны пакет был надрезан: видно, Петр Иванович уже до меня познакомился с его содержимым. Я взял пакет и резко встряхнул его. На стол легли паспорт Кротова, его военный билет и служебный пропуск.

С вызванным в отдел милиции по делу Кротова начальником отдела кадров завода мы разговаривали вдвоем с Кунгурцевым.

— Наши предположения превратились в уверенность, — сказал ему Петр Иванович. — Нападение на Кротова не обошлось без кого-то из ваших сотрудников. Посудите сами. К вам в лабораторию приходит товарищ Аксенов. Впервые сотрудники лаборатории узнают о том, что милиция энергично ведет розыски преступников, ограбивших Кротова. В лаборатории создается впечатление, которое Аксенов сознательно поддерживает, что розыски будут продолжаться до тех пор, пока не будут найдены документы. И хотя с момента ограбления уже прошло достаточно времени, именно на следующий день после прихода к вам Аксенова испуганные преступники возвращают нам документы. Мы подвергли пакет тщательной экспертизе. Имеющиеся там отпечатки пальцев значения не имеют: слишком много людей прикасалось к нему по дороге. Важно здесь другое: пакет отправлен из Ленинского района. Кроме того, адрес написан, вероятно, женской или детской рукой, — он круглый, аккуратный и нетвердый. У нас к вам большая просьба — достать образцы почерков всех сотрудников вашей лаборатории и вспомнить еще, не живет ли кто-нибудь из них в Ленинском районе. Хотя, конечно, сам факт проживания в этом районе решающего значения иметь не может. Отправить пакет можно было и из другого места.

Но ни один из представленных начальником отдела кадров на следующий день почерков не совпадал с по-

черком отправителя пакета. И никто из сотрудников лаборатории не проживал в Ленинском районе.

— Ну что ж, — сказал Кунгурцев. — Мы и не надеялись на легкую удачу. Расскажите все-таки все, что вы знаете о каждом из сотрудников лаборатории, в которой работает Кротов.

Надо отдать должное начальнику отдела кадров. Не особенно веря в наши предположения, он тем не менее отнесся к просьбе Кунгурцева помочь нам очень серьезно. Втроем мы выкурили за пять часов четыре пачки сигарет. Но зато каждый из пятнадцати сотрудников лаборатории был перед нами как на ладони. Выяснилось, что одна из молодых лаборанток, Люда Воронова, все-таки когда-то жила в Ленинском районе.

— Теперь мне кажется, — сказал начальник отдела кадров, — что между Кротовым и Людой Вороновой действительно есть какие-то отношения. Я частенько видел их беседующими, хотя до самого последнего времени они никак не были связаны по работе. Несколько раз я встретил их едущими вместе в трамвае. Совсем недавно Кротов упросил меня перевести Воронову в свою группу с повышением оклада. Но поверьте мне — построенная вами на песке гипотеза рухнет от первого к ней серьезного прикосновения. Николай Александрович — великолепный семьянин, образец для всех сотрудников лаборатории. Если бы что-нибудь такое было, уж мы бы это заметили. А кроме того, какое это все может иметь отношение к ограблению?

— А почему Кротов обманул нас с вами?

Начальник отдела кадров развел руками.

— Не знаю. Честно говорю: не знаю. Но Люда Воронова — грабитель? Нет, от этого вы меня увольте.

В конце концов мы пришли к выводу, что мне нужно срочно встретиться с Людой Вороновой.

Еще в тот день, когда я беседовал о Кротове с сотрудниками его лаборатории, я заметил пару пристальных взглядов, которые бросила на меня Люда, но не придал этому никакого значения. Теперь мне все это казалось не случайным.

По телефону я договорился с ней о встрече, и теперь, идя с нею по чисто вымытому осенним дождем проспекту, тихому, почти безлюдному в этот вечерний час, я не форсировал разговора.

— Бедненький, как мне вас жалко, — сказала она так фамильярно, как будто мы были с ней знакомы лет десять. — Все уже закончили работу, а у вас еще какие-то дела. Ну что, разузнали что-нибудь интересное?

— Пока ничего, но надеюсь узнать с вашей помощью.

— С моей?

Воронова как-то уж слишком громко и весело рассмеялась. В этот момент я был готов поклясться, что она что-то знает.

— Послушайте, Люда, — решил я идти напролом. — Кротов систематически обманывает жену.

— Но не со мной, — выпалила она и сразу же осеклась, поняв, что проговорила.

— А с кем?

Девушка долго думала, прежде чем ответить на этот вопрос. В полном молчании мы прошли скверик и повернули на набережную.

— Кстати, — сказал я, как будто между прочим. — Дело не только в документах. Те, кто их отнял у Кротова, должны понести наказание.

— Но она ни в чем не виновата.

— Кто «она»?

На Люду было жалко смотреть. От всего ее великолепия как-то сразу не осталось и следа.

— Хорошо, я отвезу вас к ней...

Несмотря на свою обычную робость, вызванный мною Кротов решительно дал мне понять, что ему надоели эти бессмысленные вызовы в милицию.

— Вы же понимаете, — сказал он без характерной для него застенчивой улыбки, — на меня и так уже начальство косится за потерю документов. А тут еще постоянные отлучки. — Он недоуменно пожал плечами. — Как будто я виноват в том, что меня ограбили.

— Ваши страдания кончились, — заверил я его. — На этот раз мы действительно нашли одного из ваших грабителей.

Кротов бросил на меня молниеносный взгляд, но уже через секунду лицо его вновь приняло недовольное выражение.

— А почему вы так в этом уверены?

— Да он почти сознался. Правда, за несколько минут до того, как его задержали, он успел выбросить ваши документы. Но у нас есть веские доказательства, что это сделал именно он. Если хотите знать, даже опознать его не обязательно. Просто вам нужно выполнить кое-какие формальности.

По моему звонку в кабинет ввели небритого, совсем еще молодого мужчину. Он с мольбой уставился на Кротова, от которого теперь зависела его судьба.

— Вот он, ваш грабитель, — сказал я. — Считайте, что вам здорово повезло. Что же касается вас, гражданин Трегубов, то вы еще не рассказали нам о ваших сообщниках. Запирательство только усугубит вашу вину.

Я искоса посмотрел на Кротова. На его лице выступили красные пятна.

— Что с вами, Николай Александрович, вы не рады?

— Да рад, конечно рад, — ответил он поспешно. — И что будет дальше?

— Дальше? Как обычно. Вам отдадут ваши докумен-

ты и деньги, а что касается гражданина Трегубова, то его дело будет передано в суд. Я думаю, лет пяти-шести ему не миновать. Жалко, конечно, его жену с ребенком. Трудно будет им без него. Но ничего не поделаешь. Трегубову нужно было раньше вспомнить о своей семье. На суд мы вас еще вызовем, а пока подпишитесь под протоколом об опознании.

Кротов, не глядя, ткнул вечную ручку в указанное мною место и направился к выходу.

— Да, кстати, — сказал я, когда он уже открывал дверь, — посмотрите все-таки на найденные нами документы. Может быть, это вовсе не те документы, которые отняли у вас ночью грабители, а те, которые на день раньше бросила в печку Валентина Беликова?

Кротов замер у двери, посмотрел мутным взглядом на меня, на облокотившегося в непринужденной позе на стол мнимого преступника, дрожащей рукой поправил галстук и рухнул в стоявшее у самой двери кресло...

Много преступников видел я за время работы в милиции, но с таким мелким, подлым негодяем, как Кротов, мне, пожалуй, еще сталкиваться не приходилось.

История его ограбления на самом деле выглядела так. За несколько лет до описываемых событий на одном из заводских вечеров инженер Кротов познакомился с юной, восторженной девушкой Вале́й Беликовой, только что окончившей техникум. Самая близкая ее подруга Люда Воронова, на два года раньше закончившая техникум, прожужжала Вале все уши о лаборатории, в которой работала, об интереснейших людях, с которыми ей там пришлось встретиться. Чаще всего она упоминала фамилию Кротова, «умнейшего человека и талантливого инженера». Валя давно просила Люду взять ее с собой на заводской вечер и показать ей наконец своих сослуживцев. На вечере Люда познакомила ее с Кротовым, и

Валя, уловив подходящую минуту, шепнула подруге, что он действительно прелесть и что Люда несколько не преувеличивала. Кротову тоже понравилась восторженная, удивительно чистая и очень хорошенькая девушка. Ему удалось договориться с ней о встрече, потом о дружбе.

Ухаживал он красиво — цветы, подарки, окружил заботой, вниманием. Очень сложно Кротову было выкраивать время для встреч с Вале́й, но жена слепо верила ему, его постоянным «задержкам на заводе». Разумеется, Люда Воронова была в курсе стремительно развивавшихся отношений между Кротовым и ее подругой. Она даже покровительствовала влюбленным, считая, что это укрепит ее положение в лаборатории, сделает Кротова в какой-то мере зависимым от нее. Поэтому Воронова скрыла от Вали, что Кротов женат. Когда же отношения между Вале́й и Кротовым зашли слишком далеко, Воронова испугалась и сделала попытку прервать их, но было уже поздно: Валя любила Кротова сильной, чистой, светлой любовью, которой каждая женщина любит, может быть, раз в жизни. Николай Александрович предусмотрительно, не дожидаясь, пока это сделает Люда, сам сказал Вале, что женат, но любит только ее, всю жизнь мечтал только о ней, и развод его — это лишь вопрос времени. В отделе никто не подозревал о двойной жизни инженера Кротова, а Люду Воронову он заставил молчать, переведя в свою группу и повысив ей зарплату.

Валя мучилась ужасно. Сначала она беспрекословно верила каждому слову Кротова, потом подозрения, что он не выполнит своего обещания, муки ревности стали одолевать ее.

Надежда на то, что он все-таки когда-нибудь перейдет жить к ней, была для Вали как соломинка для утопающего. Валя верила и надеялась, что, если Кротов

разведется и женится на ней, все будет у них хорошо. О той, другой, у которой она собиралась отнять мужа, она вспоминала не часто, легко успокаивая себя тем, что он, не любя жену, ведь все равно когда-нибудь уйдет от нее. Между тем Кротов и не думал разводиться. Но не любовь к жене и сыну останавливали его. Больше всего на свете его пугали возможные неприятности на работе. Рисковать своей безупречной репутацией и будущей карьерой он был не намерен. С другой стороны, связь на стороне с молодой и красивой, страстно влюбленной в него девушкой льстила его самолюбию, придавала вес и значительность в собственных глазах.

А Валя продолжала настаивать на разводе. Кротов придумывал разнообразные отговорки, хитроумные проволочки, но прошел еще один назначенный срок, а все оставалось по-прежнему. К тому же Валя уже немного наскучила Кротову, да и связь становилась опасной. Жена кое-что начала подозревать и время от времени звонила на работу, проверяя его вечерние задержки.

Тщательно все обдумав, Кротов решил еще раз встретиться с Валею, забрать свои документы, которые он за два дня до этого случайно оставил у нее, и объявить ей, что между ними все кончено.

Объяснение было длительным и тяжелым. Узнав о том, что ее ожидает, Валя в отчаянии и истерике схватила пакетик с документами и бросила его в пылающую печь. Кротов попытался спасти их от огня, но девушка встала между ним и печкой. Отталкивая ее, он споткнулся, упал и ударился об угол шкафа, отчего его шея украсилась здоровенным синяком. Пока он поднимался с пола, его документы уже успели превратиться в золу.

Свет сразу стал не мил Кротову. Он на секунду представил себе, что его ждет, когда узнают о пропаже документов, а самое главное, о том, как это произошло. И

тогда Кротов решил заявить в милицию о том, что его ограбили.

Когда Кротов ушел, Валя обнаружила, что по ошибке она сожгла в печке не документы Кротова, а пакетик со старыми семейными фотографиями. Первый гнев ее прошел, осталась только боль и опустошенность, и не было больше сил еще раз встречаться с этим человеком, слышать его лживый голос, видеть холодное равнодушие на его холеном лице. Несколько дней документы пролежали у нее, а потом, когда насмерть напуганная Воронова сообщила Вале, что документы разыскивает милиция, она решила поскорее избавиться от них.

Между тем ничего не подозревавший Кротов продолжал упорно гнуть свою версию об ограблении и не оставился даже перед тем, чтобы обвинить совершенно невиновного, незнакомого ему человека.

Ну и попало же мне за Кротова. В милиции, конечно, не принято прибегать к розыгрышам, который мы устроили Кротову.

— Это тебе не театр, — сердито сказал мне Кунгурцев.

Он вдруг улыбнулся, но сразу же лицо его вновь приняло грозное выражение.

— Пусть тебе объяснят в партбюро, может, они это сделают лучше, чем я.

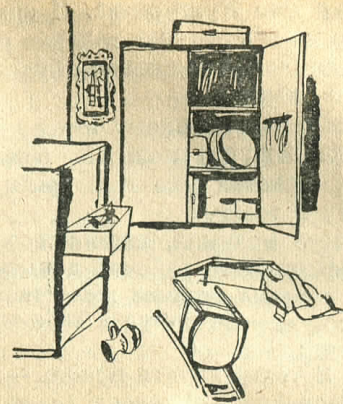
На партбюро мне тоже всыпали, вернее, нам, потому что второй участник розыгрыша, он же мнимый грабитель, был тоже сотрудником нашего отдела милиции. Но дело ограничилось только внушением, потому что, как легко догадаться, Кротов ни у кого из членов парткома сочувствия не вызвал.

Каждый из случаев, с которыми мне приходилось сталкиваться, чем-то отличался от всех остальных, имел свои, только ему присущие черты. И все же, пожалуй,

в них всегда можно было найти и что-то общее. Это же дело не имело себе равных. Ни до, ни после него я не сталкивался больше с людьми, в которых бы так же легко, как в инженере Кротове, уживались безволие и подлость, слабость и цинизм, трусость и наглость.

Много сил и времени потратил я и другие сотрудники нашего уголовного розыска на расследование дела по мнимому ограблению Кротова. Были отложены другие дела, заброшена профилактическая и воспитательная работа, но, честное слово, нам не было жалко усилий, затраченных на поиски несуществующих грабителей, потому что в результате нам удалось разоблачить очень плохого и очень подлого человека, который формально, по закону хотя и не подходил под статью Уголовного кодекса, но был тем не менее самым настоящим преступником.

ЗОЛОТОЙ ПОРТСИГАР

С самого начала я был убежден, что из моего похода в театр ничего не получится. В этом отношении я уже имел богатый опыт. Меня, да и других оперативных работников отдела, неоднократно вызывали на происшествия в районе в самое неожиданное время из собственной квартиры, из гостей и даже из театра. Все же я решил рискнуть. Однако популярной пьесой я наслаждался не более пятнадцати минут, как раз до того момента, как на сцене появился грузный и лысоватый бухгалтер Петухов, чем-то, может быть своей чуть-чуть шаркающей походкой,

напомнивший мне Кунгурцева. И сразу же мои мысли перескочили на вещи, столь далекие от того, что происходило на сцене, что переживания бухгалтера потеряли для меня всякий смысл.

— Сегодня по районному отделу милиции от уголовного розыска дежурят молодые, еще не слишком опытные ребята, — сказал мне Кунгурцев, когда я доложил ему, что иду в театр.

Он немного подумал, взглянул на часы и, убедившись, что официально рабочий день закончился уже полчаса назад и ровно столько же осталось до начала спектакля, вздохнул, пододвинул к себе толстую папку с почтой и добавил:

— Иди. В театр ходить нужно. — И когда я уже был у дверей, попросил: — Позвони все-таки вечером в отдел.

Хотя Кунгурцев просил меня позвонить в отдел после спектакля, на сердце у меня было беспокойно. И в первом же антракте ноги сами привели меня в фойе к телефону-автомату. Набрав номер отдела, я услышал знакомую скороговорку:

— Дежурный, капитан милиции Смирнов, слушает.

— Костя, это я. Как у нас дела? — спросил я.

— Дела ничего, — ответил Костя. — Если не считать... А ты откуда говоришь?

— Из театра.

— Ах вот почему у тебя не отвечает дома телефон. Я тебе сто раз звонил...

Он мог не продолжать. Я и так уже все понял.

— На улице Новоселов квартирная кража, — между тем объяснял мне Костя. — Петр Иванович уехал туда и просил, чтобы тебя нашли. Он, видимо, забыл, что ты в театре. Выслать машину?

Костю самого недавно отозвали из отпуска, и к моим театральным планам он отнесся без особого сочувствия.

— Высылай, — сказал я покорно.

Капитан Смирнов был, как всегда, точен. Мне не пришлось ждать машину и десяти минут. Сев рядом с шофером, я выбросил в окно недокуренную сигарету, захлопнул дверцу и полностью отключился от истории бухгалтера Петухова, которую мне так и не суждено было досмотреть до конца.

Перед домом, к которому мы подъехали, стояло с десяток людей, оживленно обсуждавших происшедшую кражу. По своей старой привычке я остановил машину за углом и, прежде чем подняться в квартиру, смешался с толпой. Не могу сказать, что я так уж много извлек из подслушанных разговоров, но все же при некоторой сноровке из подобной праздной болтовни всегда можно кое-что почерпнуть. Так я понял, что обокрали квартиру товаровед Плетнева и что воры открыли входную дверь без ключа, простым отжимом. Кто-то сказал, что Плетневым вообще не везет. Раньше у них были сплошные неприятности с сыном. Дня не проходило, чтобы его не приводили домой дворники и милиционеры за выбитые стекла, вывернутые лестничные лампочки, за драки с мальчишками из соседних дворов. Потом он остепенился, поступил в институт, стал вежливым, обходительным, но зато обнаружились кое-какие темные делишки у отца. До суда, правда, не дошло, но товароведу Плетневу пришлось перейти на другую работу. А теперь вот эта неприятность с кражей.

Убедившись, что больше мне ничего интересного узнать не удастся, я поднялся на третий этаж. На лестничной клетке стоял постовой милиционер. Дверь в квартиру Плетневых была приоткрыта.

Первый, кого я увидел, войдя в квартиру, был эксперт Михеев, который сидел на корточках перед громадным шкафом и водил кисточкой с порошком алюминия

по его элегантным полированным дверцам. Петр Иванович Кунгурцев, сидя на диване, о чем-то вполголоса беседовал с хозяйкой квартиры. Следователь Воинов писал протокол осмотра, нещадно дымя при этом сигаретой и роняя пепел на уже исписанные листы бумаги. Шкаф хельга, обработанный порошком алюминия, поблескивал перламутром. На дверцах ярко выделялись многочисленные следы пальцев.

— Ну, что у тебя? — спросил Михеева Воинов.

— Следов пальцев рук много, но как они оставлены, сам понимаешь, я сказать пока не могу. Тут, конечно, и отпечатки пальцев хозяев, — отозвался Михеев.

Закончив разговор с хозяйкой квартиры, Кунгурцев наконец заметил меня. Он встал, вышел в кухню и позвал меня за собой.

— Ситуация такова. В этой двухкомнатной квартире Плетневы живут втроем — муж, жена и сын. Сам Плетнев сейчас в командировке. Сын, студент педагогического института, еще даже не знает о краже. Он, как утверждает его мать, целыми днями готовится к экзаменационной сессии в институтской библиотеке. Младший Плетнев не был дома с утра. Плетнева-мать отлучалась из квартиры всего часа на два, от пяти до семи. Дверь она закрыла на один замок, кстати очень ненадежный. Дверь воры отжали. В квартире следов взломов нет. В этом, собственно, и не было необходимости. Ящики и дверцы шкафов никогда здесь не закрываются. Похищены лучшие носильные вещи, около четырехсот рублей наличными, золотые часы и облигации трехпроцентного займа на сумму пятьсот рублей. Все это унесли в двух чемоданах, которые стояли внизу в шкафу. В них было какое-то старое тряпье, рухлядь, тут же выброшенные грабителями на пол около шкафа.

Кунгурцев кивнул в сторону стенового шкафа, на полу

перед которым громоздилась гора потрепанной одежды, кусочки материалов, выкройки, комплекты пуговиц.

— Ну, вот, пожалуй, и все. Да, вот еще. Я говорю — грабители, но это неточно. Никаких данных на этот счет у нас нет. Может быть, вор был и один. Вопросы есть?

Мы вернулись в комнату, и я стал перебирать выброшенную из чемоданов одежду, но мне помешали. За дверью послышались голоса. Первым в квартиру вошел постовой милиционер и доложил:

— К Плетневым пришли молодые люди.

За спиной милиционера стояли двое хорошо и модно одетых юношей. Они в растерянности остановились у двери, не понимая, что происходит в квартире и что здесь делает милиция.

— Мы к Аркадию, — нерешительно произнес один из молодых людей. — А что случилось?

— Это приятели моего сына, — сказала Плетнева, обращаясь к Кунгурцеву. Потом она повернулась к мальчикам: — Аркадия нет дома, мальчики, а нас обокрали. В разговор вмешался Кунгурцев.

— Петр Сергеевич, — сказал он следователю, — ребята пришли как раз вовремя. Включи их в протокол осмотра квартиры. А то ты его уже почти закончил, а понятых-дворников, которых обещал нам управхоз, все нет.

— А ты, — обратился он ко мне, — запиши, пожалуйста, приметы похищенного.

Порывшись в карманах своего нового костюма, я не нашел там блокнота и решил вместо него воспользоваться обратной стороной театральной программки. Кунгурцев, от которого не укрылось это, улыбнулся, но ничего не сказал.

Мы еще раз допросили хозяйку и тщательно, детально записали приметы вещей, похищенных ворами.

Ребята — Володя и Борис — быстро вошли в роль понятых. Для нас это было привычной служебной обязанностью, для них же — игрой, и они с удовольствием принимали в ней участие. Юные понятые суетились, успокаивали хозяйку квартиры, поминутно задавали нам весьма наивные вопросы, чем, честно говоря, мешали сосредоточиться. Но надо отдать должное Кунгурцеву, к которому эти вопросы главным образом адресовались. Он отвечал на них спокойно, обстоятельно, без тени раздражения.

Во время второго, более тщательного осмотра мы наткнулись в куче сваленного тряпья на любопытную, не замеченную вначале вещь — массивный золотой портсигар с вырезанными на нем инициалами «Н. К.». Эта находка поставила перед нами ряд вопросов. Такая, безусловно очень дорогая, вещь должна была храниться где-нибудь в ящике стола, но никак не в куче тряпья. И почему воры, похитившие гораздо более громоздкие и в то же время менее ценные вещи, могли пройти мимо портсигара?

Самое интересное заключалось в том, что хозяйку квартиры эта находка удивила не меньше, чем нас.

— Это не наш портсигар, — заявила она. — Ни муж, ни сын не курят. Да и инициалы к нам не имеют никакого отношения.

Пока мы разбирались с портсигаром, пришел сын хозяйки, Аркадий Плетнев, высокий, интересный, спортивного вида парень. О краже он узнал, уже войдя в квартиру. С приятелями Аркадий поздоровался без всякой теплоты, — может быть, ему было неприятно, что о краже узнают в институте. На наш вопрос, где он был, ответил, что готовился в библиотеке к экзаменам. Для убедительности даже показал нам толстую тетрадь с записями.

Аркадий Плетнев подтвердил слова матери, что портсигар этот не его и не его отца.

— Может быть, вор выронил его в спешке, — высказал он вполне разумное предположение.

Оперативные работники уголовных розысков сохраняют в памяти, и при этом иногда очень долго, огромное количество самых разнообразных сведений: приметы преступников, номера угнанных машин, особые отличительные признаки похищенных вещей и фальшивых денежных купюр. Иногда все эти разнообразные сведения перемешиваются в голове в невообразимую кашу, и выудить оттуда нужный факт становится делом весьма сложным.

На следующий день дома и на работе меня неотступно преследовала мысль, что с найденным нами портсигаром я уже где-то встречался. Но где, как ни напрягал память, вспомнить не мог. Я перебирал в памяти всех своих курящих приятелей, пытался вспомнить, не видел ли я его случайно на витрине ювелирного магазина. Может быть, он фигурировал в каком-нибудь деле? Ну конечно в деле. Как я мог забыть? Вспомнив, я сразу же побежал к Кунгурцеву.

— Петр Иванович, — обратился я к нему. — Покажите мне, пожалуйста, нераскрытое дело о краже в педагогическом институте.

Вдвоем мы быстро убедились, что в этом деле действительно фигурирует портсигар с инициалами «Н. К.». Несколько недель назад его украли во время лекции у профессора педагогического института Николая Петровича Копаева.

Профессор Копаев был крупным ученым. Весьма солидный возраст, заметно пошатнувшееся за последние годы здоровье и напряженная работа над главным трудом своей жизни — трехтомной историей педагогики от

Песталоцци до Макаренко — не оставляли ему много времени на чтение лекций. Зато редкие его лекции собирали рекордное число студентов. На них старались попасть даже из других институтов. Не только стулья — места на подоконниках брались с бою. Профессор всегда чуточку запаздывал, проходил прямо в аудиторию, не заходя по дороге ни в раздевалку, ни в преподавательскую, тут же за кафедрой сбрасывал на стул свою тяжелую, немного старомодную шубу и приступал к чтению лекции. И вот во время одной из таких лекций, может быть в перемену, его и обокрали. Саму шубу, конечно, вынести из института было невозможно, но зато в карманах не оставили даже мелочи на трамвай. Профессор вообще имел обыкновение все деньги и даже документы рассовывать по карманам шубы, и понесенный им ущерб был достаточно велик, но все это мало волновало ученого. Зато профессора очень расстроила потеря золотого портсигара с его инициалами (Н. К. — Николай Копаев). Этот портсигар подарил ему самый любимый его курс, закончивший институт в 1941 году и в полном составе ушедший на фронт. Почти никто из студентов курса не вернулся обратно. Портсигар оставался бесценной памятью о них, и вот теперь его украли. Старый профессор был безутешен.

Когда оперативные работники приехали в институт, они узнали в деканате, что кража портсигара была не первым воровством, совершенным в последнее время в институте, но о них дирекция не поставила в известность органы милиции, не желая выносить сор из избы. Воровали у преподавателей, у студентов, у технических работников. Кражи были, как правило, копеечные, и им не придавали особенного значения.

— Так, — сказал Кунгурцев, прочитав последнюю страницу. — Аркадий Плетнев учится в педагогическом.

— И его друзья тоже, — сказал я.

— Все это, конечно, может быть и случайным совпадением, — задумчиво сказал Кунгурцев. — Давай-ка сделаем так. Завтра я вызову часов в пять наших юных помятых, тем более что им нужно подписать протокол осмотра квартиры Плетневых, и заодно побеседую с ними.

Петр Иванович просил и меня присутствовать при этой беседе, но обстоятельства так сложились, что я этого сделать не смог. А помешал мне мой старый знакомый, Алексей Слепнев. Этот здоровенный, жизнерадостный двадцатипятилетний парень уже успел отбыть срок наказания за крупную кражу с применением технических средств. Выйдя на свободу, Слепнев устроился слесарем на авторемонтный завод, женился, стал отцом и, казалось, был счастлив. Однако примерно за полгода до описываемых событий он снова украл большую сумму денег из кассы промтоварного магазина. Технически Слепнев проделал это очень чисто, не оставив за собой следов, но вором тем не менее он уже не был. На следующую же день, замученный угрызениями совести, Слепнев позвонил в магазин и, не называя своей фамилии, спросил, как ему вернуть деньги обратно. По случаю кражи в магазине производился переучет, и подошедший к телефону оперативный уполномоченный ОБХСС узнал голос Слепнева. В тот день Слепнев был нами задержан. Потом мы ходили к прокурору района, доказывали, что парень украл случайно, что он, безусловно, сам бы вернул деньги, и ручались, что ничего подобного с ним больше никогда не произойдет. В результате дело против Слепнева не было возбуждено. Чувство благодарности в бывшем уголовнике развито было необычайно. Он не знал, как ему отблагодарить нас за веру в него, и просто страдал от этого. В тот день, когда Кунгурцев назначил встречу со студентами педагогического института,

Алексей Слепнев пришел ко мне в двенадцать часов и попросил уделить ему несколько минут, но обязательно без свидетелей.

— Дело вот в чем, — начал он без всяких предисловий. — Сегодня в пять часов дня на углу Конной и Трубной улиц, у газетного киоска, одному типу, скупщику краденого, должны передать кое-какое барахло. Скупщику лет тридцать, на нем рыжая ондатровая шапка и красный шарф. Лично его я не знаю, кто будет ему передавать краденое, тоже не знаю. Откуда мне известно про то, что они встретятся, говорить не буду. Могу я уйти?

— Конечно, — сказал я, — и большое тебе спасибо.

Доложив об этом разговоре Кунгурцеву, я с двумя оперативными работниками занял наблюдательные посты неподалеку от газетного киоска на углу Конной и Трубной улиц. Один из работников устроился на скамейке в скверике. Все его внимание было, казалось, поглощено ожесточенным боем, который вели в снежки две детские армии. Второй оперативный работник сидел в кафе напротив, попивал кофе с пирожными, не забывая при этом смотреть в окно, которое выходило как раз на газетный киоск. Я же стоял на трамвайной остановке и никак не мог дожидаться нужного мне номера.

Примерно без трех минут пять к киоску подошел невысокий худощавый мужчина в меховой ондатровой шапке. Из-под воротника его пальто выглядывал пушистый красный шарф. Прислонившись к задней стенке киоска, он поставил на землю огромный чемодан и закурил, нетерпеливо поглядывая по сторонам.

Прошло десять минут, пятнадцать, двадцать, но никто не подходил к человеку в меховой шапке. Он начал выражать нетерпение, стал часто поглядывать на часы, пару раз сделал движение, как будто собираясь уходить, но каждый раз все же возвращался обратно.

Я чувствовал себя не лучше, чем он. Все наши расчеты основывались на том, что к нему кто-нибудь подойдет, тогда у нас появилось бы основание задержать его и всех остальных. А так мне приходилось полагаться только на заявление Слепнева. Я, безусловно, доверял Алексею, иначе мы не ручались бы за него, но ведь он мог ошибиться, что-нибудь перепутать, наконец, его самого могли неправильно информировать.

Пока я стоял на трамвайной остановке в мучительном раздумье, человеку в меховой ондатровой шапке надоело ждать. Убедившись, что уже тридцать пять минут шестого, он сердито сплюнул, перебрал чемодан в левую руку и бросился вслед уходящему трамваю. Тогда решился и я. Преградив ему путь к трамваю, я попросил его предъявить документы.

Человек в меховой шапке разразился ругательствами.

— Ты кто такой? — закричал он. — По какому праву?

Я показал ему свое удостоверение. Он сразу притих, тем более что в этот же момент ко мне присоединились двое моих товарищей, и протянул паспорт на имя Федосова Павла Семеновича. Паспорт был в полном порядке, если не считать того, что его владелец уже два года нигде не работал, да и до этого за короткий срок сменил несколько мест.

Я предложил ему пройти с нами в районный отдел милиции.

— Он тут совсем рядом, — сказал я. — Мне нужно кое о чем спросить вас.

В отделе Федосов попробовал было возмущаться, но только до тех пор, пока мы не открыли его чемодан, в котором лежал комплект женского белья и два парфюмерных заграничных набора.

Мы потребовали у него объяснений.

— Это принадлежит моей сестре, — запинаясь сказал Федосов.

— А вы здесь при чем?

— Я купил их для нее.

— У кого?

— У знакомого моряка, сейчас он в плавании.

— А это что такое?

Перелистывая записную книжку, которую мы обнаружили в том же чемодане, я наткнулся на страничку с двумя длинными рядами цифр.

Федосов молчал.

— По-моему, это цены на вещи, прошедшие через ваши руки. Слева — покупная цена, справа — продажная. Ну вот что. Хватит валять дурака. Рассказывайте, откуда у вас все это барахло и кого вы ждали сорок минут у газетного киоска.

И тогда Федосов заговорил.

Да, действительно он занимается перепродажей вещей, но он никогда не интересовался, откуда они. Сегодня с ним должны были встретиться двое ребят и кое-что ему принести. Пару раз он уже встречался с ними, правда, тогда их было трое, а сегодня должны были прийти только двое. Но почему-то не пришли.

— Вы договорились встретиться в пять часов?

— Да.

— А когда было назначено это время?

— Вчера.

У меня внезапно мелькнула догадка. Раньше было трое, теперь двое. Встреча в пять часов. Они не пришли. А что если...

Я набрал номер телефона Кунгурцева.

— Петр Иванович! Вы еще не ушли? У вас никого нет?

— Ребята из педагогического, а что?

— Можно к вам на минутку?

Вдвоем с Федосовым мы направились к Кунгурцеву. На звук открываемой двери ребята, о чем-то беседовавшие с Петром Ивановичем, повернулись к нам. Увидев Федосова, они в ужасе вскочили с диванчика, но, сохватав с собой, снова сели, ничего не сказав. Еще более бурной была реакция Федосова.

— Так вот вы где! — закричал он, не обращая никакого внимания на меня и Кунгурцева. — Назначаете встречу, а сами идете в милицию! Ублюдки, негодяи!

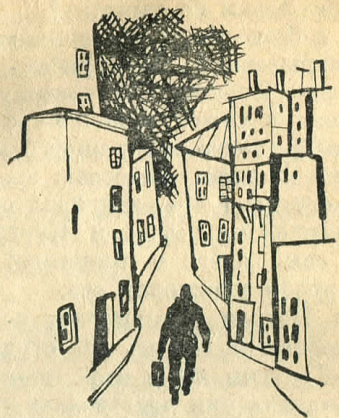
Мы с трудом успокоили его.

Наши с Петром Ивановичем подозрения подтвердились. Да, ворами оказались оба студента педагогического института. Третьим же в этой компании был Аркадий Плетнев. Сначала они действовали вместе. После же ограбления профессора Копеева, когда Плетнев забрал себе самую ценную вещь — золотой портсигар, сообщники поссорились и двое решили отомстить третьему. Улучив момент, когда никого из Плетневых не было дома, они ограбили их квартиру, но не смогли найти портсигар, спрятанный Аркадием от родителей в куче тряпья. Абсолютно уверенные в своей безнаказанности, грабители обнаглели до такой степени, что решили вернуться и посмотреть, что делается в обворованной ими квартире. Аркадий Плетнев легко догадался, чьих рук это дело, но, естественно, вынужден был молчать.

Встреча же воров с Федосовым не произошла потому, что они были приглашены Кунгурцевым в милицию как раз в пять часов, а предупредить об этом Федосова они уже не смогли.

Дело о трех студентах педагогического института было передано в суд.

САМЫЙ ПОСЛЕДНИЙ

Год моего тридцатилетия был отмечен двумя весьма важными для меня событиями: во-первых, я был назначен старшим оперативным уполномоченным, во-вторых, количество преступлений в нашем районе резко сократилось.

Петр Иванович Кунгурцев уже не работал у нас. Он был переведен в другой город на более высокую должность. В душе очень сожалел о его отъезде, я тем не менее считал такое решение начальства абсолютно правильным. Ум Кунгурцева, его скромность, внимательное и доброжелательное от-

ношение к людям, наконец, его огромный опыт работы были просто необходимы в любом городе, в любом отделении милиции. Мы же, казалось мне, уже достаточно выросли, самостоятельно решали весьма сложные оперативные задачи и как будто сами уже могли консультировать других.

Так мне казалось в год моего тридцатилетия, по крайней мере в первую его половину, потому что во вторую началось такое, что...

Впрочем, обо всем по порядку.

В течение нескольких месяцев я ощущал себя почти безработным, и это желанное и, я бы сказал, завидное для каждого милиционера состояние породило во мне чувство самоуспокоенности и благодушия. Именно с таким чувством благодушия я и услышал однажды о краже из сейфа, совершенной в соседнем районе.

Кража из сейфа — это, вообще, анахронизм, пережиток далекого прошлого. Ни мне, ни моим товарищам-сверстникам не приходилось встречаться со взломщиками сейфов. Даже Петр Иванович Кунгурцев почти за тридцать лет своей работы в милиции сталкивался с ними не более одного-двух раз. С исчезновением частных сейфов отжило, ушло в прошлое само слово «медвежатник». «Предприятие» перестало быть выгодным, — взлом государственных сейфов, с точки зрения любого преступника, был слишком опасной затеей. О последнем представителе этой вымирающей профессии сообщил в одном из своих рассказов писатель Лев Шейнин.

Но Шейнин ошибся: описанный им медвежатник был вовсе не последним. Об этом свидетельствовал сейф, взломанный в соседнем районе. Сейф был взломан, деньги похищены, а новоявленный медвежатник исчез, оставив, однако, улики в виде недопитой бутылки лимонада и двух окурков сигарет в пепельнице.

Впрочем, ни оперативные работники района, в котором произошла кража, ни мы, их ближайшие соседи, ни даже начальство из Управления не преувеличивали значения этого события.

Никто из нас не сомневался, что, во-первых, на взлом сейфа может решиться только «свой», для постороннего это чересчур рискованное мероприятие, во-вторых, кто бы он ни был, у него вряд ли возникнет желание взламывать сейф вторично. Кроме того, нами были приняты весьма внушительные меры, чтобы подобное преступление не повторилось, так как сотрудники уголовного розыска, принимавшие участие в расследовании, отметили ловкость и опытность злоумышленника.

Однако, несмотря на всю свою ловкость, он, по мнению все тех же оперативных работников, оставил весьма четкий «след» в виде бутылки лимонада и двух окурков сигарет, а значит, вопрос его опознания и поимки казался делом, по крайней мере, не безнадежным.

Место преступления — транспортная контора — было обнесено деревянным забором. На одном из участков деревянный забор сменялся кирпичным.

Всю ночь (а взлом сейфа был произведен примерно между двумя и тремя часами ночи) по территории транспортной конторы ходили с собакой два сторожа. Ничего подозрительного они не заметили — это еще раз подтверждало основную версию, что сейф вскрыл кто-то «свой».

Главный корпус автобазы, во втором этаже которого и помещался злополучный сейф, представлял собой двухэтажное каменное здание. Во второй этаж можно было попасть либо через первый, где была расположена столовая с подсобными помещениями, либо через чердак. Но дверь, ведущая с чердака, была закрыта на засов с внутренней стороны, то есть со стороны второго этажа, что,

конечно, начисто исключало возможность прихода или ухода этим путем.

Что же касается наружного входа в столовую, то деревянная двухстворчатая входная дверь с металлическими ушками пробоя была закрыта на навесной замок, а единственный ключ от нее хранился у вахтера.

Для того чтобы добраться до сейфа, вору, однако, недостаточно было открыть эту дверь; он должен был на своем пути преодолеть дополнительное, не менее серьезное препятствие — вскрыть еще одну деревянную двухстворчатую дверь, ведущую из первого этажа на второй и обитую с наружной стороны листовым железом. Ключ от нее кассир конторы унес на ночь к себе домой, допустив этим серьезнейшее служебное нарушение. При тщательном осмотре на створках этой двери были обнаружены незначительные следы отжима.

Сейф был установлен в одной из комнат второго этажа, на металлическом ящике с документами. Из сейфа было похищено триста рублей — все оставшиеся от зарплаты деньги, которые кассир должен был, но поленился сдать в банк. Дверца сейфа была оставлена вором открытой. В верхней ее части, над скважиной для ключа выше поворотного колеса ручки, было просверлено электродрелью несколько отверстий диаметром в восемь миллиметров каждое. Никаких существенных материальных следов преступник после себя не оставил, если не считать следов от перчаток из свиной кожи, в которых он производил вскрытие сейфа, пары окурков, пепла в пепельнице и недопитой бутылки лимонада, которую он принес с собой. Кроме денег вор ничего не взял, хотя на гвоздике рядом с сейфом висел еще совсем новый свитер кассира.

Проводивший расследование старший оперативный уполномоченный районного отдела милиции не был

новичком в этом деле. Трудно было упрекнуть его и в неградивости, лени или поверхностном отношении к своим обязанностям. К тому же старший оперативный уполномоченный в большой мере обладал никогда до сих пор не подводившим его чувством логики и очень пренебрежительно, с недоверием относился ко всякого рода неестественным и неправдоподобным выводам, считая их уделом детективных романов. Целиком положившись на свой богатый жизненный опыт и несокрушимую логику, он пошел при расследовании дела о вскрытии сейфа самым простым и, как поначалу казалось, верным путем.

Ход его рассуждений был примерно таким.

На второй этаж можно было попасть только через дверь столовой. Никаких следов отжима на ней обнаружено не было. Следовательно, она была открыта ключом.

Ключ от двери хранился у вахтера. Значит, открыл ее с помощью ключа либо сам вахтер, либо кто-то, похитивший у него ключ или изготовивший к нему дубликат. Но вахтер, так же как и любой другой злоумышленник, был бы немедленно замечен сторожами с собакой. Версия напрашивалась сама: злоумышленником был кто-то из двоих сторожей. При выборе было нетрудно заподозрить того из них, который всего несколько лет назад привлекался к суду за участие в драке, но был оправдан.

Эти подозрения усугублялись еще и тем, что у сторожа был брат, в прошлом уголовник, работавший в настоящее время в той же транспортной конторе.

При всей «железной» логичности этого заключения требовались, однако, дополнительные, более серьезные доказательства. А их-то у старшего оперативного уполномоченного как раз и не было. Он продолжал упорно и настойчиво искать доказательства до тех пор, пока не пришло новое сообщение о том, что в учебном институте, на этот раз совсем другого района, снова «взят» сейф.

Второе преступление отличалось от первого, совершенного на две недели раньше, только местом совершения кражи да размером украденной суммы. В остальном же перед сотрудниками милиции предстали кражи-братья, преступления-близнецы.

То же хорошее знание обстановки, тот же точный психологический расчет (в день выдачи стипендии нерадивый кассир поленился сдать в банк остаток денег), та же «чистая» работа, тот же уверенный почерк и, наконец, те же вещественные доказательства его посещения: отверстия в сейфе, проделанные электродрелью, окурки от сигарет, недопитая бутылка лимонада.

Радоваться этому новому преступлению мог теперь только сторож автобазы, с которого, само собой разумеется, подозрение было немедленно снято.

Что же касается оперативных работников милиции и особенно начальства из Управления, то они если еще и не начали бить в набат, то уж по крайней мере насторожились — в городе появился ловкий преступник.

Прошла еще неделя, и уже вовсе не сенсационно прозвучало сообщение о взломе сейфа в третьем районе города. Опять не возникало никаких сомнений в том, что кража была совершена все тем же неуловимым медвежатником.

Интересно, что это третье по счету похищение из сейфа произвело на всех нас — работников милиции — удивительное психологическое воздействие.

Мы... успокоились. Мы — это начальники районных отделов милиции, начальники угрозысков, старшие оперативные уполномоченные и просто рядовые сотрудники. А дело было в том, что нас успокоила именно повторяемость этих преступлений, совершаемых притом в разных районах города. После третьей кражи никто из оперативных работников, ни один из начальников уголовного

розыска уже не сомневался, что дни неуловимого медвежатника сочтены. «Даже если следующее преступление произойдет в моем районе, мне нечего особенно волноваться, я буду только одним из многих пострадавших», «Где-нибудь уж его обязательно возьмут» — так примерно рассуждали мои коллеги, так примерно рассуждал и я сам, только в отличие от них к моим рассуждениям добавлялась еще непонятная мне самому уверенность в том, что во вверенном мне районе он не появится.

Между тем взломы сейфов продолжались. При Управлении городской милиции была создана специальная группа для поимки обнаглевшего преступника. Вора искала вся городская милиция, но никто не мог похвастаться даже самым малым успехом: слишком уж хитер, изворотлив и опытен был неизвестный злоумышленник.

Его «почерк», привычки мы изучили до тонкостей, но это несколько не помогало нам в затянувшихся пойсках. Никто из нас не мог даже приблизительно предугадать, где он совершит свою следующую кражу.

Обычно считается, что как бомба и снаряд никогда не падают в старую воронку, так и вор никогда не осмелится вторично побывать там, где он уже однажды совершил кражу. Но, словно издеваясь над нами и всеми общепринятыми канонами, медвежатник снова взломал сейф в транспортной конторе.

Его хитрость и опытность раздражали нас. Особенно возмущала его неизменная бутылка лимонада, которую он, судя по всему спокойно и невозмутимо, без излишней спешки и суетливости, всегда чуть-чуть не допивал до конца. И эта недопитая бутылка лимонада — единственный достававшийся нам трофей, свидетельствующий о спокойствии и хладнокровии преступника, — окончательно выводила нас из себя.

В конце концов вор перешел в район, где я был стар-

шим оперативным уполномоченным. Здесь он совершил крупную кражу из сейфа.

Мы пустили в ход все имеющиеся в нашем распоряжении средства. Начали с метода аналогии. Совместно со специально созданной при Управлении группой мы установили, что за последние двадцать лет никто в городе таким образом преступлений не совершал. Те же несколько человек, которые когда-то промышляли взламыванием сейфов, отбывали в настоящий момент наказание. Вместе с тем нам казалось весьма сомнительным, чтобы появился новый, никому до сих пор не известный медвежатник. Слишком уж он был опытен и хладнокровен. Неуловимый преступник скрупулезно выбирал объекты, тщательно подготавливался к каждой новой краже и никогда не уклонялся от намеченной цели. Ни разу не было замечено, чтобы вор взял что-нибудь кроме денег, хотя возможностей у него для этого было более чем достаточно. Некоторые кассиры-ротозеи оставляли в сейфах не только деньги, но вор никогда не соблазнялся всякого рода плащами, туфлями, сумками, пальто, стоявшими иногда гораздо больше взятых им денег. И в этом проявлялся его опыт и точный расчет. Его интересовали только деньги. Ведь они не имеют индивидуально-определенных знаков, их нельзя предъявить на опознание. Наличие денег всегда можно объяснить выигрышем по лотерее или, на худой конец, тем, что они достались тебе по наследству.

О его опыте свидетельствовало также и то, что он никогда не позволял себе озорства или хулиганства. И поступал он так вероятно не потому, что всякие подобного рода шуточки не соответствовали его характеру. Просто опыт и здравый смысл подсказывали ему, что таким образом он может случайно дать нам лишние улики, а этого он боялся больше всего.

В моей практике был случай, когда самодовольный и нахальный вор, взломав стену, похитил деньги в кассе и, уверенный в своей безнаказанности, оставил записку: «Ищи ветра в поле». Уже через два дня он был уличен и задержан с помощью простого сличения почерков.

Ждать подобной любезности от нашего взломщика сейфов было бы непростительным легкомыслием. Даже его традиционная бутылка лимонада, хотя она и вызывала в нас крайнее раздражение, была не вызовом и не хулиганством, а просто привычкой хладнокровного и уверенного в себе человека, привыкшего рассчитывать и соразмерять каждую минуту, каждое свое движение.

По прошествии нескольких месяцев мы вынуждены были признать, что метод аналогии нам не помог: никто из известных милиции преступников не мог быть привлечен по делу о взломах сейфов.

Между тем, хотя со времени первой кражи прошло уже более полугода, милиция еще ни на шаг не приблизилась к поимке медвежатника. Стояло жаркое, знойное лето, но никого из нас не отпускали в отпуск, и чем ярче светило солнце и сладостнее манили роскошные морские берега Крыма и Кавказа, тем яростнее искали мы преступника. Мы выявили все сейфы в своем районе, и около каждого из них оставляли по ночам оперативного работника или дружинников. Это было трудно: ведь специальных людей для охраны сейфов штатным расписанием, естественно, предусмотрено не было.

Поиски преступника шли главным образом по двум каналам. Первый путь — это был все тот же метод аналогии, от которого мы не могли позволить себе отказаться. Правда, здесь участие оперативных работников было незначительным. Этим занималась специально созданная при городском Управлении милиции группа, которая изучала «почерки» тех, кто за подобные преступления отбы-

вал срок, еще и еще раз выясняла, не освобождался ли кто-нибудь из них за последнее время, посылала запросы, телеграммы в дальние уголки нашей страны.

В районе же искали вора другим путем: выискивали возможных свидетелей, через дворников и ночных сторожей выясняли, не встречались ли им по ночам одинокие подозрительные прохожие, не слышали ли они что-нибудь о людях, проматывающих, пропивающих большие деньги дома или в ресторанах. Все эти меры были, конечно, необходимыми, без них не мог и не может обойтись ни один сотрудник милиции. Это азбука оперативной работы. Но толку от всего этого было мало. Каждый неудачный день поисков ухудшал мое и без того отвратительное настроение. Единственное, что еще как-то поддерживало меня, это уверенность в том, что больше ни один сейф в нашем районе не будет взломан. Ведь около каждого сейфа ночью дежурил оперативный работник или дружинник. Кроме того, я сам осмотрел все сейфы, проанализировал все возможные пути и способы их «взятия». Но однажды рано утром в моей квартире резко и настойчиво зазвонил телефон.

— Товарищ капитан, — услышал я в трубке испуганный голос дежурного по отделу. — На Кирпичной улице, в доме номер восемь, вскрыт сейф.

— А преступник?

— Преступника не поймали.

— Кто дежурил у сейфа?

— А мы этот сейф не выявили, товарищ капитан, — ответил дежурный.

— Вы бы все-таки приехали на место происшествия раньше представителей из Управления, — нарушил дежурный затянувшуюся паузу. — Я пришла за вами машину...

На месте происшествия я застал знакомую картину —

пустую бутылку из-под лимонада, пару окурков в блюдце, заменившем пепельницу, несколько дырок в дверце сейфа, проделанных электродрелью, невнятное бормотание сторожа, в котором я с трудом разобрал, что он не присел всю эту ночь, безупречно и самоотверженно охраняя общественное имущество.

На происшествие приехал заместитель начальника Управления. Внушительные погоны полковника привлекли внимание вышедших на работу рабочих. Они никак не могли понять, чем их захудалый сейф мог привлечь внимание полковника милиции. Мрачный, ни на кого не глядя, он хотел было подняться по узкой винтовой лестнице в чердачное помещение, где был взломан сейф, но потом махнул рукой, сел в машину и уехал.

Мы приступили к осмотру местности.

Здание окружал почти прогнивший забор с огромным количеством калиток, каких-то проемов и дырок. Вдоль этого забора мы пустили розыскную собаку, которая довольно бодро взяла след от сейфа. Пробежав вдоль забора несколько десятков метров, она стремительно выскочила наружу через один из проемов и, остановившись перед длинным рвом, заполненным после дождя грязной, вонючей тinou, виновато посматривала на нас, виляя хвостом.

Я заметил на другой стороне канавы какое-то продолговатое желтое пятно. Не надеясь на свое зрение, я обратил на него внимание одного из оперативных работников. Перепрыгнув через ров, он подошел и наклонился к желтому пятну. Это была небольшая книжечка расписания пригородных поездов. Наконец-то в наших руках была первая существенная улика. У нас, правда, не было уверенности в том, что книжечка расписания пригородных поездов потеряна преступником, но если предположить, что на этом заболоченном участке местности люди появляются редко и что вор ушел этим путем, можно

было допустить, что книжечка принадлежит все же взломщику сейфов. К тому же в ночь перед ограблением прошел грозовой дождь, а книжечка была сухой, и, значит, ее обронили совсем недавно.

Сделав, однако, этот вывод, мы не почувствовали большого облегчения. В книжечке расписания пригородных поездов было около тридцати страничек, на которых были изложены исчерпывающие железнодорожные сведения более чем о ста больших и малых пригородных пунктах.

Старинная народная задача — найти иголку в стоге сена — казалась сказочно легкой по сравнению с предстоящим нам испытанием: обнаружить вора среди десятков тысяч людей, пользующихся пригородными поездами.

Вновь и вновь мы листали книжечку расписания, до рези в глазах вчитывались в каждую ее страницу, букву, запятую, еще и еще раз анализировали длинные столбцы сухих, равнодушных к нашим переживаниям цифр.

В своих попытках выудить из книжечки что-нибудь, проливающее свет на личность ее владельца, мы уподоблялись ученым, разгадывающим с помощью полуистлевшего кусочка пергамента тайну древнего письма, или дешифровщикам радиокодов.

Расписание движения поездов мы выучили как стихотворение, как таблицу умножения.

Наконец после долгих и мучительных раздумий и споров мы пришли к выводу, что две страницы книжечки явно отличаются от других, и, значит, можно было предположить, что они интересовали владельца книжечки больше, чем остальные двадцать восемь. На одной из страниц с расписанием поездов, следующих из города, был загнут уголок, на другой, где сообщалось о движении обратных поездов, осталось небольшое жирное пятнышко, сделанное, очевидно, во время еды.

Сосредоточив все наше внимание на этих двух страницах, мы старались определить, найти в них общее, связывающее их, что-то, что дало бы нам возможность еще больше сузить район наших поисков.

Этим общим для обеих страниц явились сведения о поездах, останавливающихся в поселке Удачине. Поселок этот не был курортным, и интерес к нему владельца расписания пригородных поездов вряд ли был связан с открытием дачного сезона. Кстати, и само расписание было куплено зимой, — к лету выпускались специальные летние расписания поездов. Впрочем, для пассажиров, ездивших в Удачино, это не имело никакого значения: зимой и летом, осенью и весной поезда останавливались в поселке в одно и то же время.

Взломы сейфов начались около полугода назад. Я запросил удачинскую милицию обо всех гражданах, поселившихся в Удачине или поступивших на работу на небольшой местный ремонтно-механический завод в течение последнего года. Таких оказалось десять человек. Семеро отпали сразу: это были уважаемые, солидные люди. У некоторых из них нашлись убедительные алиби. Само собой разумеется, что мы не впутывали их в это дело. Но трое оставшихся вызывали у нас определенные подозрения, особенно один из них, слесарь-механик высокой квалификации Леонид Александрович Хаталин. В его личном деле мы прочли любопытную деталь — за систематические кражи с применением технических средств Хаталин был осужден на десять лет и по отбытии срока переехал на постоянное жительство в поселок Удачино.

Мне не хотелось повторять ошибку старшего оперативного уполномоченного, который заподозрил взломщика сейфов в стороже транспортной конторы главным образом из-за его прошлого. Но все же не считаться с такой подробностью в биографии Хаталина было невозможно.

За всеми троими подозреваемыми, а особенно за Хаталиным, было установлено тщательное наблюдение.

Когда же через несколько дней Хаталин, выйдя около двенадцати часов ночи из дома с весьма солидным и, судя по всему, тяжелым чемоданом, купил в привокзальном ресторане бутылку лимонада и сел в поезд, у нас почти не осталось сомнений в том, что он — тот самый взломщик сейфов, за которым мы так долго и безуспешно охотились.

В ту же ночь он был задержан во время очередной попытки взлома сейфа.

Всего за семь месяцев Хаталин вскрыл двадцать три сейфа, похитив из них около десяти тысяч рублей. Весь весьма сложный на уровне достижений двадцатого века реквизит — электродрель, стамески, резак автогена, баллончики с газом, трансформатор, кожаные перчатки — открыто хранился в квартире, где преступник, уверенный в своей безнаказанности, проживал с женой и двумя уже взрослыми детьми.

Когда его арестовали, он не столько испугался, сколько удивился, что мы все-таки нашли его. И никак не хотел он согласиться с тем, что в этом помогла нам оброшенная им книжечка расписания пригородных поездов. Позже, поняв, в чем дело, он объяснил нам, что, перепрыгнув через ров, он подвернул ногу и упал. Острейшая боль в лодыжке и боязнь, что теперь ему не удастся уйти, заставили его, очевидно, пренебречь обычной осторожностью — он забыл проверить, не оставил ли чего-нибудь на месте падения.

Безусловно, Хаталин был незаурядным грабителем, но ясно также и то, что его многочисленные и всегда успешные кражи могли происходить только потому, что он умело пользовался безответственностью и ротодейством касиров, забывавших сдавать деньги в банк, сторожей, без-

мятежно храпевших во время дежурства, руководителей организаций и предприятий, плохо контролировавших своих подчиненных.

Вот как, например, Хаталину удалось совершить свою первую кражу — взломать сейф в транспортной конторе. Придя в отдел кадров конторы якобы в качестве поступающего на работу, он обошел всю контору. И никто не поинтересовался, зачем ходит по учреждению посторонний человек. Злоумышленник легко определил и дни выдачи зарплаты, и комнату, в которой сидит кассир. Открыть ночью несколько замков, а потом их закрыть для Хаталина, слесаря-механика высокой квалификации, было делом несложным. Беспокоили его только собаки, но, предварительно побродив несколько раз возле конторы ночью, он выяснил, что сторожа не всю ночь ходят по территории, а только несколько часов, причем всегда в одно и то же время. Сумел Хаталин определить и то, что кассир не сдал в день выдачи зарплаты остаток денег в банк, иначе он уехал бы из конторы на машине, а не ушел пешком.

Примерно так же тщательно и методично готовился Хаталин к каждой своей новой краже. Конечно, ему еще и везло. Пару раз он взламывал сейфы, по странной случайности не выявленные нами, и ни разу не нарывался на сейфы, около которых дежурили ночью сотрудники уголовного розыска.

Спросил я Хаталина и насчет бутылки лимонада, которую он с удивительным постоянством всегда оставлял недопитой.

— Это моя давняя привычка пить во время работы. Об этом знают все мои сослуживцы. Ну, а всю бутылку я просто не в состоянии выпить.

Конечно, нам повезло. Но то, что вора поймали, вовсе не было случайностью. Как бы ловок, хитер и искусен он

ни был, его участь была предрешена. На этот раз Хаталин уронил книжечку с расписанием, в другой раз он совершил бы другую оплошность или его кто-нибудь заметил бы в момент преступления, наконец, рано или поздно он нарвался бы на оставленную у сейфа засаду. И это тоже не было бы случайностью. От момента преступления до поимки и разоблачения преступника может пройти месяц, полгода, даже год; это зависит от многих случайностей, стечения обстоятельств, пусть даже от его способностей. Но уйти от правосудия ему никогда не удастся. Самое интересное заключалось в том, что, не найди мы книжечку с расписанием движения пригородных поездов, он все равно был бы пойман в течение каких-нибудь еще трех-четырех дней.

Буквально на следующий день после его поимки к нам поступило сообщение о том, что одна женщина, отдыхая в доме отдыха с некоей гражданкой Хаталиной, несколько раз слышала от нее, что муж этой гражданки зарабатывает кучу денег, халтура по ночам с помощью электродрели. Вовсе не случайно собеседница Хаталиной оказалась бдительным человеком и сообщила об этом в органы милиции.

Хаталин не пил, не кутил, не дебоширил, не проматывал легко нажитые деньги, но и он совершал ошибки: забирая каждый раз из сейфов мелочь, и медь и серебро, — а ее там всегда оказывалось довольно много, — он мейял ее потом в аптеках и парикмахерских на бумажные купюры. При всей своей осторожности в одной из аптек он проделал это дважды. И конечно, не случайно странного «разорителя своей копилки» заметила кассирша и сразу же сделала об этом соответствующее заявление в милицию. Оба эти заявления не успели дойти до нас. Но ведь это был вопрос даже не дней, а часов.

СОДЕРЖАНИЕ

Дело об убийстве	5
Подворотня	38
Дело передается в суд	65
Ночное «ограбление»	90
Золотой портсигар	115
Самый последний	128

Н. Борисов
(Борис Натанович Гуревич)

„Дело передается в суд“

Редактор В. С. Озеров
Художник О. А. Зуев
Художник-редактор О. И. Маслаков
Технический редактор А. И. Сергеева
Корректор Н. Г. Фомичева

Сдано в набор 30/IX 1967 г. Подписано к печати 28/XI 1967 г.
Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бум. тип. № 3. Усл. печ. л. 6,3
Уч.-изд. л. 6,23. Тираж 50 000 экз. М-26501. Заказ № 1814/л
Работа объявлена в Т. п. 1966 г., № 19

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59
Типография имени Володарского Лениздата,
Фонтанка, 57

Цена 18 коп.